

Кн. Ольга Голицына

А Н Н А

роман

ПАРИЖ

1946

Ки. Ольга Голицына

A H H A

роман

ПАРИЖ

1946

Часть первая

ГЛАВА 1.

Анна в первый раз очутилась одна в поезде. Поезд шел долго, дорога была однообразная, поля покрыты снегом. Анна знала, что отец болен и молилась за него всю дорогу, она обожала своего отца и не верила в смерть. Когда она после длинного пути благополучно приехала в Иокогама, и ее встретила мать уже в трауре, — она поняла, что все кончено и громко, по-детски, заплакала...

Елизавета привыкла к мысли о смерти мужа. У Петра были повреждены легкие и последняя простуда была для него роковой. Он долго и отчаянно боролся с болезнью, но организм был слабый и не выдержал. Горе девочки было беспредельным. Елизавета, как могла, утешала свою дочь, хотя ей самой было трудно сдерживать слезы и не поддаваться отчаянию. Ее очаровательная квартира в Токио, сразу опустела. Елизавета любила своего мужа глубокой любовью, ходила за ним, как сиделка и покорно переносила его немножко тяжелый характер, который еще больше испортился благодаря его болезни; и с его смертью, несмотря на свои молодые годы ее жизнь ей казалась конченой.

Елизавета Зеленская родилась в небольшом имении своих родителей недалеко от Киева. Александр Са-

бинин ее отец в молодости был блестящим гвардейским офицером с довольно большим состоянием, дед ее генерал Сабинин командовал одним из гвардейских полков. Как только Александр вышел из училища, он поступил в полк своего отца и сразу показал себя великолепным офицером и верным товарищем. Все предсказывали ему блестящую будущность, но после смерти отца Александр, получив в свое распоряжение довольно крупное состояние, увлекся игрой в карты. За год он проиграл почти все, не только свое, но и состояние матери, которую обожал, а также деньги своего младшего брата. Когда в один прекрасный день Александр Сабинин проснувшись, увидел себя нищим, первое что он хотел сделать — застрелиться, но мысль об ужасном горе, которое он этим причинил бы матери и вообще всей семье, остающиеся без средств на произвол судьбы, заставила его взять себя в руки. Просидев у себя в кабинете не выходя целый день, вечером им было принято решение: он уйдет из полка, поедет в единственное имение, которое останется у него после продажи имущества, домов и т. д. и будет работать.

Александр давно был влюблён в блестящую красавицу Елену Донскую, но, конечно, теперь о браке с ней не могло быть и речи. Что может он теперь предложить ей? Раньше это было другое... На другой день он поехал с прощальным визитом. Елена с матерью приняла его в гостиной, она была необычайно хороша в этот день, с ясными голубыми глазами, составлявшими яркий контраст с ее покрытым смуглым румянцем лицом и черными кудрями. Особенно была очаровательна ее улыбка. Когда она улыбалась, открывая ряд красивых белых зубов и немножко жмуря глаза с длинными черными ресницами — она была очаровательна. Среднего

роста, стройная и тонкая, даже хрупкая, она была похожа на ребенка. Ее руки были особенно трогательно красивы с тонкими, длинными, почти детскими пальцами.

Наивными глазами смотрела она на Александра; мать ее поняла, что он собирается что-то сказать важное и найдя предлог, вышла из гостиной. Александр остался с глазу на глаз с Еленой. Ему хотелось обнять ее, прижать к груди и сказать, что он несчастлив, что он любит ее, и что не может жить без нее, но он осмотрелся四周ом. Роскошная гостиная, где они сидели, удобные кресла, мягкие персидские ковры, вся обстановка, в которой жила Елена и которая так подходила к ней, теперь отделяла ее от него, показывала ему всю безвыходность его положения. Скрыв сердце он сказал:

“Елена Владимировна, — я пришел к вам проститься, я выхожу из полка и уезжаю в деревню”...

У Елены похолодели руки и замерло сердце. Александр продолжал:

“Елена Владимировна, я разорен, я глупо и невольно проиграл все мое состояние, надеюсь спасти хотя бы одно имение, принадлежащее моей матери и поехать туда. Сначала я хотел покончить жизнь самоубийством, продолжал он, но это мне показалось не серьезным, мне нужно жить, чтобы дать возможность жить моей матери и воспитать моего маленького брата”. Елена продолжала молчать. Александр, наконец, решил:

“Елена Владимировна, я давно люблю вас, но теперь, что могу я предложить вам — бедность, почти нищенство, жизнь в трущобе, скучную серую жизнь... На это я неспособен. Вы созданы для роскоши, веселья и счастья”.

Елена взволнованно улыбнулась, слегка побледнела и внезапно вспыхнув ярким румянцем, встала и подошла к Александру.

“Александр, если вы хотите, я буду вашей женой и поеду с вами хотя бы на край света”.

Александр задрожал, серый день показался ему прекрасным. Упав на колени, он страстно прижал свои губы к рукам Елены.

“Елена, счастье мое”, сказал он, “неужели это правда?”.

“Да, Александр, а теперь пойдем к *матан*”, и взяв Александра за руку, они вместе побежали к матери объявить новость...

Через месяц окончив дела, Александр с молодой женой и матерью поехали жить в свое имение.

ГЛАВА 2.

Сабинины зажили счастливой и тихой жизнью. Елена выказывала качества не только ума и сердца, но громадные способности к организации и к работе. Они выписывали из заграницы и Петербурга большое количество книг по сельскому хозяйству, быстро привели имение в блестящее состояние. Их обветшалый дом был заново восстановлен. Мебель, ковры Елена выписала из Петербурга и дом превратился в уютный уголок. Сабинины познакомились с соседями по имению, и особенно сдружились с Зеленскими, У Зеленских было имение очень большое с обширным хозяйством. Единственный их сын, пятилетний Петр, составлял главную цель их жизни. Вскоре Елена забеременела. Дела шли хорошо, в округе все приезжали к Александрю за советом по сельским делам. Имение его процветало. Когда младший брат Дмитрий, приехал из корпуса в отпуск, он не узнал дома. Александр был счастлив по настоящему. Решили ехать в Петербург к родителям Елены на приближавшиеся роды. Выехали за шесть недель до знаменательного дня. Ждали мальчика, но были рады, когда родилась девочка. Мать Александра была в восторге. Когда после трех месячного пребывания в Петербурге, Сабинины вернулись домой, то дом после пе-

тербургской жизни, сплетен и скандалов, показался им настоящим раем.

В этой тихой, счастливой обстановке росла Елизавета. Проходили годы. Елизавета была красивая и здоровая девочка, для нее наняли англичанку и немку, она быстро овладела языками. По-французски ее обучала сама мать. Дела Александра шли все лучше и лучше. Он расширил имение, потом семья получила наследство от дальней тетки. Теперь можно было нанять квартиру в Петербурге, но почему-то этого больше не хотелось. Сабинины отвыкли от светской жизни и были счастливы в тесном семейном кругу. Елизавета была красавицей в полном смысле этого слова, походя на мать. Когда молодой Петр Зеленский приехал из Лицея на каникулы к родителям и увидел ее после двух-летнего отсутствия, он сразу влюбился в нее. Петр, красивый, немного бледный молодой человек, с большими черными глазами, был великолепный танцор и пользовался успехом у петербургских барышен. Единственный сын богатых родителей, ему предстояла блестящая будущность, но окончивши Лицей, Петр вернулся в Александровку и сделал предложение Елизавете, которой только что минуло семнадцать лет. Через два года, уже с маленьким ребенком, Зеленский принял пост секретаря посольства в Токио.

ГЛАВА 3.

Война 1914 года, как гром поразила Россию, была объявлена всеобщая мобилизация. Дмитрий Сабинин, брат Александра, командовавший одним из гвардейских полков, жил в Петербурге. Его полк один из первых пошел на фронт. Деревня Сабининых опустела, почти все молодые ушли, остались одни только плачущие бабы и старики. Сибинины очутились одни. Мать Александра скончалась за год до войны. Они решили переехать в Петербург; Александр рвался на войну, несмотря на свои уже немолодые годы. Скоро пришли первые страшные известия о поражении армии генерала Самсонова, многие семьи одели траур. В городе шептались, что Россия не подготовлена к войне, и что у нее одна винтовка на трех солдат. Зима была особенно суровой, у солдат ноги и уши страдали от холода. Мобилизовали десять миллионов солдат, но у них не было достаточно одежды и оружия, в города наехала масса женщин и детей из эвакуированных местностей Польши, все разутые и раздетые. Нужно было скоро организовать помощь. Елена поступила в Красный Крест. Елизавета приехала из Токио в Петербург навестить мать и проститься с отцом, которому, наконец, удалось поехать на фронт. Елена взяла квартиру на Сергиев-

ской, квартира была слишком большая, но меньшей квартиры не было возможности найти — Петербург был переполнен. Все помещики приехали из деревень в столицу, многие присоединились к своим полкам, другие провожали сыновей и братьев, отправлявшихся на фронт. Россия постепенно организовала свое сопротивление, немцы застряли под Варшавой и дальше не двигались. Они, как всегда, ошиблись в расчетах относительно России. Так победа Японии над героическим флотом адмирала Рождественского в 1905-м году, победа, которая на самом деле стоила гораздо дороже японцам, чем России*), дала Германии безумные надежды, но колосс стоял и сдвинуть его было трудно. В марте 1915 года был героически убит, спасая командующего войсками, Александра Сабинина. Когда Елена узнала о смерти любимого мужа, ее отчаянию не было конца. Изнеможенная в конец своим горем, она все же продолжала посещать госпиталь, ухаживать за ранеными, навещать внучку, которая училась в Смольном и на праздники брала ее к себе, но когда умерла, после воспаления легких, ее мать, Елена осталась совсем одна. Елизавета писала часто письма из Токио, но письма шли с большим опозданием. Семь месяцев спустя после смерти мужа и четыре месяца после смерти матери, Елена заболела и больше не вставала... Здоровье ее совершенно подорвалось. Ее похоронили далекие, равнодушные родственники и маленькая Анна испуганно озираясь по сторонам, следовала за гробом рядом со своей классной дамой, сопровождавшей ее. Потом долго с недоумением стояла Анна у открытой могилы ее бабушки, не решаясь уходить. Елизавета на похороны матери не приехала. Когда она получила телеграмму о смерти ее “прекрасной Елены”, так называла она мать в разговоре с мужем, Елена была уже похороне-

на более трех дней. Елизавета горевала долго и только болезнь дорогого мужа, требовавшая от нее всей ее энергии, заставляла ее преодолевать горе, овладевшее ею. Потом болезнь мужа и смерть окончательно убили ее и только приезд маленькой Анны заставил ее взять себя в руки. Нужно было жить для дочери, нужно было воспитать ее. Сначала Елизавета решила продать свою мебель и выехать обратно в Россию, но мысль об опустевшем имении, заколоченных ставнях, без родителей, приводила ее в ужас. Конечно, она сможет поехать к родителям мужа, которые только и ожидают взять Елизавету с девочкой к себе, но старики Зеленские давно бросили петербургский дом и жили то в имении, то в Крыму. Елизавету особенно не тянуло к ним, она решила пока временно, до окончания войны, остаться в Токио. Тут у нее был небольшой круг друзей. Анну она решила оставить при себе, и обратно в Петербург, в институт ее не посыпать, а лично заняться ее воспитанием.

ГЛАВА 4.

1916 и 1917 годы были тяжелыми годами для России. Зима была холодная и голодная, с каждым днем увеличивались хвосты у хлебных лавок, лишения становились все чувствительнее. Зато армия была готова к бою и к окончательному наступлению, которое привело бы к давно ожидаемой победе и к концу войны. Ждали наступления к весне. Для этого Россия напрягала все силы, зато в городах стало труднее с провизией, не было подвоза из деревень, все поезда были заняты войной, солдатами и провиантом на фронт, кроме того, Петербург был переполнен военными, приезжавшими в отпуск и ранеными и всех этих людей нужно было кормить и все эти лишние рты отнимали у жителей нужный хлеб и провиант. Но нужно было подумать о раненых и всех тех, которые отдали свою жизнь и кровь за Россию и их было много и прибывало все больше с каждым днем. Некоторые лежали в госпиталях, большое количество молодых на костылях ходили по городу, другие с повязками, третьи слепые. Тяжело и грустно было смотреть на них.

В конце 1916 года приехали французские гости во главе с генералом Кастельно. Петербург захотел показать свой блестящий лик. Дали в честь гостей ба-

лет. В этот вечер выступала последний раз знаменитая балерина Кшесинская, сбор должен был пойти на сирот убиенных воинов. Дамы надели свои драгоценные роскошные меха. Гостей приглашали со всех сторон и гости веселились, но это был "пир во время чумы". В войсках шла пропаганда; и революция, как страшная лава, еще не вылилась наружу, но клокотала так близко, что казалось вот-вот и потечет. В одно прекрасное утро, в феврале 1917 года, когда петербуржцы проснулись, революция была совершившимся фактом. Елизавета оказалась совершенно отрезанной от России. Первое время она еще получала кой-какие сведения от стариков Зеленских, но поезда на Восток шли все реже и реже и в конце концов совершенно перестали ходить. Деньги, которые остались у Елизаветы после смерти мужа, были давно истрачены. Вначале старики Зеленские высыпали ей очень щедро каждый месяц известную сумму, но вскоре эти деньги перестали приходить. Она также получила наследство после смерти матери, но эти деньги остались в России. Елизавета первое время после смерти мужа получала полностью его жалованье, но затем с революцией и в посольстве произошла жеремена и она этих средств лишилась. У Елизаветы были кой-какие драгоценности, последние деньги, пришедшие из России были уже не прекрасные старые рубли, а деньги нового правительства, банки меняли их с большими затруднениями и давали, в обмен на иностранную валюту, почти гроши. Для того, чтобы жить Елизавете пришлось скоро продать кое-что из своих вещей. Прошло два года, Анна прекрасно училась. Елизавета в совершенстве владея иностранными языками, преподавала сама языки своей дочке, также учила ее играть на рояле и почти

все свое свободное время проводила на могиле своего мужа. Пряда, к ней часто захаживали русские, которые также, как и она, остались в Японии, и другие друзья из иностранных посольств, но Елизавета была занята, ей пришлось распустить прислугу и делать все самой. Друзья стали захаживать все реже и реже, несмотря на сокращение расходов по хозяйству, деньги расходились с быстротой молнии и Елизавете приходилось все чаще и чаще продавать драгоценности; ей становилось страшно за будущее. Да и драгоценности, казалось, потеряли свою настоящую стоимость. В Японию наехало много русских и привезли огромное количество всяких драгоценных камней, спрос на них был небольшой, а продавцов — много. Елизавете пришлось подумать о работе, но чем могла-бы она заняться. Владея хорошо французским языком она могла бы преподавать этот язык, но в Японии было слишком много учителей. Немецким и английским языками она недостаточно владела, чтобы преподавать, наконец, она могла давать уроки русского языка или же музыки, но никто, казалось не интересовался этим и она нашла только один урок — у американской девочки, урок музыки. Елизавета великолепно отдавала себе отчет в тяжести своего положения; ее жизнь проходила среди всяких дрязг и мелких забот, ее нежные руки огрубели от домашней работы. Автомобиль, в котором раньше, молодая и нарядная, она объезжала с визитом иностранные посольства и при этом торопливо и вместе с тем торжественно прислуживал выездной лакей, открывая ей дверцу, этот автомобиль, присланный из Америки, с которым у нее были связаны самые дорогие воспоминания, как поездка с любимым мужем на берег моря и в горы и т. д., она продала за бесценок. В Японии все покупали всегда последние американские

модели или же обменивали свои автомобили каждый год на новые модели. Это был своего рода снобизм. Богатые иностранцы и японцы любили щеголнуть новыми машинами, как раньше щеголяли великолепными выездными лошадьми. Ее автомобиль был куплен корейским купцом. Елизавета долго плакала, когда его увезли. Ей казалось, что вместе с ним у нее порвалось все с прошлым.

ГЛАВА 5.

Среди многочисленных аташэ иностранных посольств в Токио у Елизаветы были и остались дружеские отношения с одной американской четой — капитаном и миссис Ливингстон. Капитан Ливингстон был морской аташэ при американском посольстве; он был совсем молодой человек, как это часто бывает в новых странах и он составлял резкий контраст с другими морскими аташэ более зрелыми людьми, иногда почти стариками. Флоранс Ливингстон, очаровательная молодая американка, полная жизненной энергии, особенно была дружна с Елизаветой. Елизавета знала, что в трудную минуту она всегда сможет расчитывать на нее.

Как-то, прияя завтракать к своей приятельнице, Елизавета решила откровенно поговорить с ней.

“Флоренс, мне нужно кое-что сказать вам; я боюсь остаться без средств. Я продала очень много вещей. Правда, у меня остается еще мое бриллиантовое кольцо и нитка жемчуга, наследство моей матери, но мне тяжело будет с ними расстаться. Кольцо — первый подарок моего мужа и на продажу я решусь только в крайности. Но боюсь, что в конце концов мне нужно будет решиться и на это. А потом, когда деньги уйдут, что будет дальше?”

Капитан Ливингстон, входивший в гостиную, где дамы сидели и пили кофе, услышал конец фразы Елизаветы и вмешался в разговор:

“Знаете, Елизавета, вам здесь не место. В Японии условия жизни без денег тяжелые. Лично я посоветовал-бы вам ехать в Соединенные Штаты”.

“Да, Реджи”, заметила Елизавета, “я сама об этом думала, мне придется работать, а тут, в Японии, работы нет, но я боюсь Америки и ее неизвестности, боюсь отсутствия друзей, знакомых, боюсь одиночества и жизни”...

“Этого, Елизавета, вам бояться нечего”, ответил капитан, “у меня в Сан-Франциско живет брат, я вам дам к нему письмо, он человек состоятельный и притом известный адвокат, он вам поможет и делом и советом. У него в Сан-Франциско обширные знакомства. Жена его прелестная, вы увидите, она вам очень понравится. Я уверен, что вы сразу почувствуете себя у них, как дома”.

“Мне всегда казалось”, продолжал он, “что мы, американцы похожи на русских, мы гостеприимны и быстро сходимся. Вам Америки бояться нечего, наоборот, в Японии трудно, здесь слишком много рабочих рук и страна бедная”.

Елизавета кивнула головой в знак согласия.

“Да, Реджи, вы правы, я думаю, что мне придется решиться на отъезд. Я вам так благодарна за ваше ко мне отношение, но говорят, что для Америки нужна виза и что ее трудно получить”.

“Прежде всего, Елизавета, у вас дипломатический паспорт, вы можете пока его сохранить. С ним вам будет легче, а визу я вам достану хотя-бы сегодня, но что важно для отъезда в Америку, — это деньги. Простите за нескромный вопрос, но сколько у вас осталось наличных денег?”

“У меня еще есть две тысячи иен после продажи моей последней цепочки”, сказала Елизавета, “но я могу продать обстановку квартиры и, наконец, мое бриллиантовое кольцо и жемчужное ожерелье, которое у меня от моей матери”, — добавила она грустно, — “хотя эти две вещи я хотела бы сохранить для моей дочери Анны. Кольцо мне подарил Петр, я хотела бы его отдать Анне, когда она вырастет”.

Реджинальд с грустью сочувственно взглянул на молодую женщину. Флоранс все время молчала, не желая вмешиваться в этот деловой разговор.

“Вы знаете, Елизавета”, продолжал Реджинальд, “я думаю, что у вас достаточно будет денег после продажи мебели. Я слышал в посольстве, что у нас будут перемены и приезжает новый генеральный консул, у старого, вы знаете квартира была меблированная, говорят, что новый Уильям Фернер, очень богатый человек. Ваша квартира со вкусом, нарядно обставлена и мы постараемся дорого ее продать ему и тогда вы спокойно сможете уехать в Америку, не продавая дорогих вам вещей. Для приезда в Америку нужно иметь тысячу долларов с человека минимально, но у вас будет гораздо больше”.

Елизавета поднялась, чтобы проститься. Женщины обнялись.

“Я вам бесконечно благодарна за ваши обо мне заботы”, сказала Елизавета, “мне легче будет теперь пережить трудный момент перемены жизни, благодаря вашей дружбе, я не чувствую себя одинокой”.

Вскоре после этого Елизавета стала собираться в отъезд. Последние дни она проводила на могиле мужа. Ей тяжело было расставаться с ней. Казалось, что она рвала последние нити с прошлым, но нужно было подумать об Анне и жить только для нее. Дорогую моги-

лу она поручила своей приятельнице Флоранс. Два месяца спустя, Елизавета села на японский пароход, продав за восемь тысяч долларов свою мебель и квартиру. Снабженная визой и рекомендательными письмами, без всяких затруднений и приключений она прибыла вместе с девочкой в Соединенные Штаты.

Часть вторая

ГЛАВА 1.

Брат Реджинальда, Джордж Ливингстон с женой и детьми жил в роскошной пригородной даче, недалеко от Сан-Франциско. Дача была большая, слишком большая для небольшой семьи и еще с большим садом. Почти вся прислуга, как это часто бывает в этой части Соединенных Штатов, была наполовину японская или китайская. Сад был разбит на три части, — английскую, французскую и японскую. Дом был обставлен уютно и с большим вкусом. Анфилада гостиных в первом этаже была выкрашена в один цвет и мебель частью старинного, частью нового стиля была размещена уютно. Главная и самая большая гостиная была заставлена мягкими большими удобными креслами и рядом на тонких ножках стояли хрупкие столики Луи XV перемешанные с маленькими лакированными столиками китайского стиля, с китайскими лампами, безделушками, или же с цветами в красивых кристальных вазах. Почти на всех окнах висели тяжелые бежевые занавеси, едва пропуская солнце в этот горячий июльский день. Мягкий толстый ковер заглушал шаги. Через большие стеклянные, широко раскрытые двери, виден был сад, а в нем маленькие, приготовленные к чаю, столики.

Сейчас-же, на следующий день по приезде в Сан-Франциско Елизавета отправилась к Ливингстонам; ей очень хотелось повидать людей, от которых так много она ожидала и на которых так надеялась. Анну она оставила в маленькой, но чистой и уютной гостинице, где она остановилась по совету ее японских друзей. Несколько робея она подошла к дому Ливингстонов и неуверенно позвонила. Японский лакей открыл ей дверь и сразу просиял, когда Елизавета по-японски спросила его дома-ли его господа. Елизавета была поражена роскошью дома, зато сад ей понравился меньше. Она невольно вспомнила тенистый сад их киевского имения и все то, что было связано с ним и ее глаза наполнились слезами, но быстро оправившись от охватившего ее внезапно волнения, она решила: "теперь не время вспоминать прошлое, жизнь идет своим чередом". Японец ежеминутно кланяясь и с улыбкой на лице, восторжен-но проводил эту необычайную белую красивую даму, говорящую великолепно по-японски.

Жорж Ливингстон давно был предупрежден о приезде Елизаветы. Это был моложавый, высокого роста человек, с правильными чертами лица и с доброй улыбкой, он нравился не только женщинам, но и мужчинам. От всего его лица и статной фигуры веяло мужеством и силой. Он внушал к себе доверие всех друзей и клиентов. Он был один из самых блестящих адвокатов Сан-Франциско, пользовавшихся всеобщим уважением. Ливингстоны были дома и сидели в саду под тенистым деревом. На улице было жарко, но в саду прохладно, их две девочки, десяти и двенадцати лет играли рядом. Эту красивую картину застала Елизавета, когда лакей торопливо провел ее в сад. Жорж Ливингстон поднялся навстречу гостье.

"Вы мадам Зеленская, мы так рады, что вы, нако-

нец, приехали, мы давно вас ждем. Как жаль, что мой бо-фрэр не предупредил нас о дне вашего приезда", — сказала Дороти, крепко, с улыбкой пожимая руку Елизаветы, — "мы приехали-бы вас встретить. Где вы остановились. Пожалуйста садитесь, не хотите ли снять вашу шляпу?" "Тони", крикнула она лакею — "чашку". Но чашка давно стояла на столе и все рассмеялись.

"Я приехала два дня тому назад", сказала Елизавета.

"Что же вы не к нам, у нас большой дом и масса места".

"Я не хотела беспокоить вас. Я и так пришла, не позвонив заранее по телефону, что, кажется, не деликатно с моей стороны". Джорджу Елизавета сразу понравилась, он рассмеялся и сказал:

"Вы знаете, что друзья моего брата — наши друзья и наш дом всегда и во всякое время открыт для вас. Где ваш дочь, спросил он.

"Я ее оставила в гостинице".

"Мы сейчас пошлем за ней, кстати она познакомится с Клэр и Френсис, нашими дочерьми".

"Тони, — обратилась мадам Ливингстон к лакею, — пошлите автомобиль в гостиницу Хом Лайф и привезите оттуда мадемуазель Зеленскую. Пускай шоффер скажет, что мать ее просит приехать".

Тони поклонился и исчез. Разговор продолжался оживленно. Елизавета почувствовала себя не столь уже одинокой в этом большом и чужом городе.

"Вы собираетесь оставаться жить в Сан-Франциско", спросил Джордж, — или же вы намерены уехать в Нью-Йорк, куда обыкновенно стремятся все иностранцы?"

"Я сама не знаю", сказала Елизавета, "ваш брат

мне советовал ехать в Нью-Йорк. По его мнению там больше возможностей устроиться".

"А я вам советую оставаться здесь", подхватила Дороти, "Сан-Франциско чудный город. Лично я его обожаю, тут жизнь легче и мне кажется больше похожа на жизнь, к которой вы привыкли в Европе, а с знанием иностранных языков и музыки вы скоро сможете найти подходящее занятие. Мы вам поможем, а девочка ваша сможет учиться здесь вместе с нашими дочерьми в хорошей школе".

"Я вам бесконечно благодарна за ваше участие, я чувствовала себя вначале немного одинокой, но теперь я вижу, что все благополучно, что я не одна и что у меня есть друзья".

Джордж отошел в сторону, чтобы скрыть на минуту свое волнение. Все замолчали. В саду пахло розами и было прохладно и приятно под липовыми деревьями, где был сервирован чайный столик. В эту минуту вошла, Анна. Ее ввел под руку улыбавшийся японец. Девочка поразила всех своей необычайной красотой и прелестными манерами. Легкий, грациозный реверанс, и она подошла поздороваться. Анне минуло десять лет; у нее были пушистые белокурые волосы и большие — светло-фиолетовые глаза. Лицом она очень походила на матеря, но лицо было скорее розовое, у Елизаветы было лицо более смуглого. Девочка познакомилась с детьми Ливингстонов и выпив молока, которое так охотно пьют в Америке и съев пирожное, она пошла играть. Скоро в саду раздались звонкие детские голоса и смех.

Посидев еще с пол-часа, Елизавета собралась прощаться, но оба Ливингстона запротестовали: "нет, пожалуйста, останьтесь у нас обедать, мы вас отвезем потом домой, а на завтра приглашаем вас пообедать с

нами в ресторане и затем — в театр. Вам нужно непременно познакомиться с городом". Елизавета поблагодарив, решила принять приглашение. Стол был накрыт тем-же слугой-японцем, на обед был также приглашен сосед по дому, мистер Малори, приятель Ливингстонов, известный адвокат и весельчак. Во время обеда он все рассказывал в шутливом тоне сплетни города. Когда Елизавета прощалась, грустное выражение ее глаз рассеялось. Первый раз после смерти мужа она смеялась.

ГЛАВА 2.

Елизавета постепенно устраивалась, она наняла небольшую квартиру в приличном квартале города и со вкусом обставила ее. Благодаря друзьям ей удалось взять мебель напрокат. Анна поступила в школу. Девочка быстро стала говорить по-английски, как настоящая янки. Благодаря тем же друзьям Елизавета получила много уроков французского языка и музыки, но работа вскоре ее утомила, она похудела и устала. Вечная езда по трамваям, без малейшего отдыха, приводила ее в уныние, у нее не было автомобиля, а расстояния, для посещения учеников, были довольно большие. Когда ей сделалось уже невмоготу, она решила искать постоянное место, где, наконец, у нее была бы возможность на лучшее будущее. Она обыкновенно никогда ничего не придринимала, не посоветовавшись со своими друзьями. В одно из воскресений, за завтраком у Ливингстонов, она решила поговорить с ними.

“Вы знаете, Джорж, — обратилась к нему Елизавета, — у меня к вам просьба, я опять хочу посоветоваться с вами, хотя я боюсь, что я уже вам достаточно надоела, неправда-ли? Но я так устала от беготни от одного урока на другой. Я хотела-бы поступить на службу, где можно было-бы немного отдохнуть и у меня

была бы возможность улучшить свое материальное положение в будущем. У меня мечта нанять прислугу — мне очень трудно, приходя домой, заниматься кухней и штопкой, как моих, так и вещей Анны, уборкой комнат и т. д., но на прислугу мне пока не хватает денег, средства-же, которые у меня еще остаются, я боюсь тронуть -- мало-ли что может случиться".

Это был воскресный день после завтрака. Малори, как всегда, завтракал у Линнингстонов и в момент этот находился в саду, но возвратившись в комнату, неожиданно услыхал конец фразы Елизаветы, сказанной ею в беседе с Джоржем. Ему стало грустно. Елизавета была еще очень молода; ей только недавно минуло тридцать лет. Она была еще очень красива и даже еще красивее, чем в ранней молодости. Грустное выражение ее темно-синих глаз придавало ее лицу еще больше прелести. Тонкая хрупкая фигурка ее походила на очень молодую женщину почти ребенка. Малори влюбился в Елизавету с первой же встречи с ней, он всячески старался оказывать ей мелкие услуги, как будто всегда случайно проезжал мимо ее дома, когда она выходила и предлагал ей довезти ее. Он засыпал игрушками и конфетами Анну. Малори было тридцать шесть лет — это был красивый, высокого роста, американец и блестящий адвокат. У него было довольно крупное состояние и он пользовался всюду большим успехом. Он давно хотел сделать предложение Елизавете, но, несмотря на милое дружеское отношение ее к нему, он чувствовал, что она далека от этой мысли и, боясь отказа, предпочел ждать. Вдовец, он женился в первый раз двадцати четырех лет по любви. Три года после свадьбы его жена умерла от родов. Отчаянию Малори не было конца, вначале он запирался у себя в кабинете и почти не выходил. Его мать, которая его обожала,

проводила с ним целые дни, стараясь уберечь его от самоубийства, он забросил дела и стал пить. Его красивое молодое лицо опухло, и глаза потеряли обычную живость. После долгих уговоров своей матери, он согласился уехать в кругосветное путешествие. Он пробыл в отсутствии два года, был долго в Китае и скитался по всему миру. Вернувшись он снова принялся за дела и зажил нормальной жизнью и внешне как будто утешился. Он пользовался большим успехом у молодых барышень Сан-Франциско, расчитывавших, что вот-вот он женится, но годы проходили и Малори оставался холостым. Он занимался много спортом, выезжал, веселился, танцевал и, казалось жизнерадостность вернулась к нему. Только встретившись с Елизаветой, он почувствовал себя еще молодым и подумал: "что его жизнь еще не кончена". Елизавета догадывалась о его чувстве к ней, но воспоминания о потерянном муже и ее любовь к дочери так были сильны в душе ее, что новая жизнь с другим человеком, даже с таким милым и хорошим, как Малори, казалась ей невозможной. Увидя Малори, Елизавета замолчала.

"Мы еще поговорим, Джорж", сказала она Ливингстону и встала. Доротея, жена Джорджа вышла по хозяйству, но вскоре присоединилась к ним и обе женщины, оставив мужчин, пошли в другую комнату.

"Я только что говорила с Джорджем", сказала Елизавета. "Я чувствую, что я устаю от вечной моей езды по трамваям и автобусам, и хотела-бы найти место более спокойное и не такое утомительное".

"Милая моя Елизавета", сказала Доротея, "ведь вы знаете, что я вас очень люблю и я ваш настоящий друг. Женщины не созданы для работы. Не знаю, заметили ли вы, что в вас давно влюблен Малори. Почему бы вам не выйти замуж за него, он богат, — вам не

пришлось бы больше работать, вы могли бы жить в лучших условиях и великолепно воспитать вашу дочь. Мы его давно знаем — это чудный человек".

"Знаете, Доротея, это все было-бы великолепно, если бы я смогла решиться на замужество. Я знаю, что Малори добрый и милый, я его люблю, как друга, но я решила вообще не выходить больше замуж".

"Какая вы странная", сказала Доротея, "да вообще вы, европейские женщины, не похожи на нас. Ведь вы еще так молоды и Малори такая для вас блестящая партия. Он очень богат и любая американка с восторгом вышла бы замуж за него".

"Да, но я не люблю его как мужа и поэтому я не хочу обмануть его, выйдя замуж только из-за выгод".

"Нет, дорогая, этого я не в состоянии сделать", — вдумчиво опять повторила Елизавета, память о моем дорогом муже так жива в моем сердце, как будто он вот только вчера умер. Нет, я посвящу себя моей дочери".

Доротея обняла ее: "Да вы чудное, хотя и немножко непонятное существо, вам нужно серьезно подумать о вашем будущем. Конечно, уроки — это не карьера".

Женщины замолчали. Через несколько минут мужчины присоединились к ним. "О чем вы там шепчетесь?", смеясь, немножко лукаво, спросил Ливингстон и переглянулся со своим другом. Он, как и его жена, давно догадывался о чувствах Малори и мечтал, что его друг женится. Доротея, нахмурившись, посмотрела на своего мужа. "Мы говорили о более постоянном месте", — ответила Елизавета. "Самое лучшее", — сказал Джордж, стараясь придать еще более щутливый оттенок своему голосу, — "самое лучшее для вас это выйти замуж". Но видя взволнованное лицо своей жены, делавшей все более и более большие глаза и отрица-

тельные гримасы, замолчал. Дороти вмешалась в разговор:

“Я думаю, Елизавета, что вы могли бы устроиться секретаршой в какое-нибудь предприятие. Ваши знания языков могут быть весьма полезны”.

Малори, немного побледневший задумчиво смотрел в окно... Доротея продолжала: “У меня блестящая идея, — не поступить ли вам в какой-нибудь магазин, например, Маршал, в отделение, где продаются парижские шляпы и платья. Им наверное нужна служащая, владеющая иностранными языками. Мне кажется, что вы подойдете. Дуглас”, — сказала она, обращаясь к Малори, стараясь вовлечь его в разговор, видя его расположенно лицо, — “мне кажется, что вы знакомы с Маршал. Не можете ли вы устроить Елизавету?” Скрыв сердце, с печальной улыбкой Малори обернулся к Доротее.

“Да, я очень хорошо знаю старика Маршал, я немножко занимаюсь его делами. Конечно, у него много других адвокатов, но и у меня с ним часто дела, при первом случае я поговорю с ним, я уверен, что он с удовольствием примет Елизавету”.

“Вы хорошо обдумали, Елизавета?”, спросил Джордж, — “Вы не думайте, что работа в магазине лучше, чем давать уроки. Вообще такая рабочая жизнь утомительна для женщины”. Но видя опять гримасы своей жены, он не продолжал.

“Я знаю, что рабочая жизнь не легкая, — сказала Елизавета, — но ничего не поделаешь, надо жить, а для того, чтобы жить, нужно работать”.

“Тогда решим так”, — сказала Доротея, желая положить конец разговору. “А как поживает Анна? Мне говорят, что она хорошо учится и стала совсем американкой. Мы ее давно не видели”...

“Да, она блестяще выдержала экзамены, — сказала Елизавета, слегка оживившись, — она к вам не приходила потому что очень была занята подготовкой к экзаменам”.

“Она наверное вырастет красавицей”, — сказал Джордж. — “Я думаю о том, что время быстро летит и что скоро мне придется выдавать замуж моих дочерей. Боюсь, что у них будет сильная соперница в лице Анны”...

Все засмеялись, но несмотря на старания присутствующих, обед прошел тоскливо и Елизавета была рада, когда он, наконец, окончился. Малори, как всегда, пришлось подвезти Елизавету, но на этот раз он был счастлив что шум мотора мешал их разговору и торопливо и быстро привез ее домой.

Неделю спустя Елизавета, по рекомендации Малори, поступила помощницей директриссы парижского отделения магазина Маршал.

ГЛАВА 3.

Дни проходили, Елизавета усиленно работала. Ее отделение заметно увеличило свои обороты. У нее был изысканный вкус и вскоре ее даже отправили в Париж за закупкой платьев. Ее друзья Ливингстоны, как и Малори неизменно во всем помогали ей: брали к себе Анну, когда она ездила по делам в Европу и все праздники и каникулы Елизавета проводила у своих друзей и жизнь ее постепенно наладилась согласно ее желанию. Все любили ее и относились к ней с уважением, как в деловом мире, так и среди многочисленных знакомых и друзей, которых она приобрела в среде Ливингстонов и помимо них. Дочь ее, Анна, блестяще училась, подростала и становилась все красивее и красивее. Мать мечтала для нее о блестящей карьере в будущем. Анна очень рано проявила влечение к медицине, еще ребенком, она всегда воображая себя врачом, укладывала к себе в постель кукол и ухаживала за ними, как будто за ранеными. В школе она была правой рукой сестры милосердия, которая была при школьном лазарете и помогала перевязывать больных детей. Делала она это серьезно и как большая. Когда ее как-то спросили, чем бы она хотела заняться в жизни, она,

не задумываясь отвечала: "я хотела бы быть докторшой". и когда ее спрашивал, почему непременно докторшой, она отвечала: "это такое наслаждение помогать людям, лечить, утешать их". Елизавета знала о влечении дочери, но для этого нужны были еще долгие годы учения. В один прекрасный день хозяин магазина Маршал лично вызвал Елизавету к себе. Делал он это очень редко и это было большим событием в магазине. Елизавета, идя в его кабинет, волновалась. Несмотря на то, что ею были очень довольны и постепенно увеличивали ее жалованье, она со страхом спрашивала себя, почему хозяин вызывает ее. С бьющимся сердцем она постучала в его кабинет; Маршал, довольно пожилой, но еще энергичный человек, встал, как только Елизавета вошла и предложил ей сесть. Закурив, он предложил ей также папиросу. Дрожащими руками Елизавета приняла папиросу.

"Мадам Зелен"—так сокращенно называли в магазине Елизавету, — "я собираюсь расширить наше отделение в Нью-Йорке. Я вами весьма доволен и поэтому хочу вас назначить в Нью-Йорк заведывать отделом платьев и шляп. Нью-Йорк большой город, работы у вас там будет гораздо больше, чем в Сан-Франциско, да и жалованье зато будет больше и, кто знает, быть может со временем еще увеличится, смотря как пойдут дела".

Елизавета бледнела и краснела пока говорил Маршал.

"Я, конечно, не тороплю вас с ответом, подумайте и приходите ко мне через месяц".

"Я была-бы себе врагом, г. Маршал, — ответила Елизавета, — если-бы я сейчас же не воспользовалась вашим предложением"...

Маршал засмеялся: — "Вы совсем стали американ-

кой, — сказал он, — тогда будьте готовы и через месяц вы можете переслать в Нью-Йорк свою мебель. Постарайтесь найти квартиру недалеко от нашего магазина. Жалованье вам будет ровно втрое".

Поблагодарив Маршала, Елизавета радостно и вместе грустно, вышла из магазина. Несмотря на великолепное предложение, Елизавете было тяжело покинуть Сан-Франциско и своих друзей. Отпросившись на день, она пошла в небольшой ресторан, где она привыкла завтракать и одной обдумывать предложение хозяина. Нью-Йорк страшил ее: большой город без знакомых и друзей; конечно, благодаря своему заработка ее жизнь будет обеспечена и независима, но одиночество страшило ее. Она долго сидела обдумывая предложение Маршала. Отказаться, конечно, было бы сумасшествием, да, наконец, предложение хозяина, — это почти приказ.

На следующий день, когда Елизавета, явилась на службу в магазин, все знали о блестящей перемене в ее служебном положении и все поздравляли ее... Вечером она позвонила Ливингстонам и напросилась к ним обедать. Ливингстоны обедали одни дома, без гостей, что было редко и с восторгом приняли Елизавету.

"У меня для вас новость, — сказала Елизавета, — меня отправляют заведывать парижским отделом дома Маршал в Нью-Йорке на тройное жалованье".

Доротея опустила голову: "Да, это великолепная новость, но мне жаль, что вы нас покидаете". Джордж, привыкший к Елизавете, чувствовал ее настроение: "Да, — сказал он, — конечно, нам жаль, что вы нас покидаете, но нужно думать и о вашем будущем и о будущем Анны. Второй раз такого предложения вы можете и не получить..." Все замолчали.

Жаркое лето подходило к концу, через открытые

окна вливался аромат роз и, как это часто бывает в конце дня, всюду была тишина, казалось, что мир сошел на землю. Сад, как будто-бы замолк и только издали доносился время от времени легкий свист запоздавшей птицы. Елизавета вздохнула полной грудью. Ей стало жаль покидать этот чудный гостеприимный дом и этих людей. Когда она еще увидит их? С грустью поднялась она, чтобы проститься.

“Вы уходите так рано”, — сказала Доротея, но также поднялась, не удерживая ее. Все вышли на крыльце проводить гостью. Джорж Ливингстон приказал подать автомобиль и помог Елизавете усесться. Автомобиль быстро помчался по потемневшим улицам Сан-Франциско.

ГЛАВА 4.

Ровно через месяц Елизавета с Анной устраивались в доме номер 140 на 70-ой улице Нью-Йорка. Она нашла очень маленькую, но довольно дорогую квартиру, даже для ее нового бюджета: мало-мальски приличные квартиры были дороги в Нью-Йорке. Анна поступила в высшую нью-йоркскую школу и постепенно освоилась с новой жизнью. Елизавета принялась за переделку своего отдела в магазине. Через некоторое время, благодаря ее вкусу, дела увеличились. Она вскоре также получила американское гражданство. Еще по совету Ливингстона, после своего приезда в Сан-Франциско, она запросила его. Это помогало легко ездить в Европу, возвращаться обратно и вообще легче работать.

Жизнь Елизаветы постепенно налаживалась на новом месте. Она подружилась с многими продавщицами, особенно с директором магазина и его женой-француженкой. Елизавете приятно было иногда поговорить по-французски. Теперь ей часто приходилось ездить по делам в Париж за покупками платьев и шляп своего отделения. Ее отделение стало самым блестящим в Нью-Йорке. Шикарные и богатые американки переста-

ли ездить в другие дома и обращались к Маршалу. Елизавета много работала, свободные минуты она употребляла на отделку своей квартиры и еще давала уроки русского языка своей дочери.

Годы проходили без особенных перемен. Анна подрастала, это была настоящая американка: спортсменка, веселая, жизнерадостная и необычайно красивая. Ее великолепные густые, светлые волосы, красиво оттеняли бело-румяное лицо, сиренево-голубые глаза с длинными ресницами еще по-детски серьезно смотрели на мир. Она была великолепно сложена и была сама грация, вдобавок она была умна и успешно училась готовясь в университет.

В один серый, пасмурный день октября, Анна раскраснелись от быстрой ходьбы и волнения, не дождавшись матери дома, побежала в магазин, чтобы сообщить ей радостную новость. она, наконец, сдала вступительный экзамен в университет. С верой в будущее Анна начинала свою новую жизнь. Почти каждый день она говорила своей матери:

“Я так счастлива, мамочка, я так счастлива, этим я обязана лишь одной тебе, но зато после окончания университета, буду работать я, а не ты”. Казалось, что работа матери особенно волновала ее. Она много раз пыталась говорить об этом с матерью, даже предложила ей работать и учиться по вечерам, как это часто бывает в Америке, но Елизавета всегда отвечала: “нет, моя дочь, я не хочу, чтобы ты работала и одновременно училась, это слишком утомительно для тебя, я хочу, чтобы у тебя были в руках все шансы на успех. Ты любишь медицину, я надеюсь, что ты станешь очень скоро известным врачом Я еще молода, работа не утомляет меня”.

Анна с радостью посещала университет, и успеш-

но занималась. У нее появились новые знакомые, товарищи по университету и она часто оставляла свою мать одну, уходя на лекции или в театр со знакомыми. Жизнь Елизаветы проходила однообразно и тоскливо. Сначала она два-три раза ездила навестить своих друзей в Сан-Франциско и Ливингстоны навещали ее, но жизнь шла своим чередом. Дочери Ливингстонов выросли, старшая — Клэр, вышла замуж и готовилась стать матерью; у Ливингстонов появились новые заботы и встречи с Елизаветой стали редки. Работа Елизаветы становилась все тяжелее и тяжелее вся ответственность отдела полностью лежала на ней. Благодаря ей, Маршал совершенно переменил жанр дома и стал одним из самых элегантных магазинов Нью-Йорка. Дешевые вещи исчезли из продажи и появились только очень изысканные и лучшего качества. Благодаря этому, изменился и род покупателей. С утра до вечера стояли у подъезда шикарные автомобили с шофферами-неграми, сверкавшими своими блестительными зубами и, когда больше не было места для стоянки, в часы наплыва, великолепные Паккарды безостановочно обезжали дом, пока электрический сигнал не давал им знать, что их требуют к подъезду. Тогда нарядно одетые женщины, молодые и старые, заботливо поддерживаемые блестящим швейцаром, вскакивали в автомобиль и уезжали давая место другим.

В этот год Елизавета сильно переутомилась и к большому несчастью в один из рабочих дней жестоко простудилась и вынуждена была слечь. Это было в первый раз за всю ее трудную жизнь. Несмотря на высокую температуру, она все-же продолжала работать, из дома давая в магазин распоряжения по телефону и вызывая к себе своих помощников. Спустя несколько дней, еще слишком

слабая, она все же отправилась на работу, но скоро опять слегла и на этот раз заболела серьезно; у нее сделалось воспаление легких. Анна ухаживала за матерью день и ночь и забросила окончательно университет. Когда опасность миновала, доктор каждый день навещавший больную, обвороженный прелестью немногого поблекшей красоты матери и очаровательной Анны, прописал Елизавете отдых в деревне. Доктор особенно заинтересовался ими и отправил Елизавету на отдых на год. Он чувствовал в этой квартире что-то другое, чем он привык видеть в скромных квартирах среднего люда Нью-Йорка. Елизавета был в отчаянии. “Что же мы будем делать, Анна” — спросила она свою дочь, как я оставлю дела и магазин на год?” — “Ты оставишь магазин, как многие другие, — ответила Анна. — Ты, слава Богу, достаточно работала и можешь немного отдохнуть”. Жена директора магазина часто навещала Елизавету, ее сестра, мадам Дюпрэ имела хороший пансион в Ньюпорте и как только Елизавета оправилась, Анна отвезла мать в Ньюпорт, где благодаря рекомендации сестры, мадам Дюпрэ предоставила им, иа хороших условиях, комнату с великолепным видом на море.

Ньюпорт был фешенебельным курортом для богатых американцев, гостиниц там почти не было, все только частные виллы. Летом сюда съезжалось много публики, принадлежащей к так называемым “четырем стам”. “Четыреста” — был известный в Нью-Йорке круг лиц, имеющих минимум десять миллионов долларов и больше. Эти люди относились с презрением к тем, у кого не было еще этих десяти миллионов и непускали в свой заколдованный круг других.

Когда жена какого-нибудь скромного миллионера, хотела обидеть своего мужа, в особенности, если у нее

была подруга, муж которой принадлежал к высшим кругам, она всегда с презрением бросала ему в лицо: "ты пока еще не принадлежишь к четырем стам"... Зато миллионеры, уже по пути к заветной цифре, относились с еще большим презрением к тем, которые далеко отстали от них. Вообще миллионеры делились на две категории, на тех, у кого было десять миллионов и больше, и на многих других. Для простых смертных слово миллионер имело магическое значение: "он миллионер", говорили со страстью, уважением, почтением. "Это не кто-нибудь, а миллионер". В магазине у Маршала продавщицы встречая богатых клиентов, разговаривали почти шепотом, захлебываясь от восторга: "он миллионер, она миллионерша, она вышла замуж за миллионера". К ним отношение было другое. Как только человек становился миллионером, он сам ставил себя настолько выше других, что с презрением относился к тем, кто еще до миллионера не дошли и окружавшие его угодливость и восторг еще больше поддерживали в нем его самомнение. Ньюпорт был переполнен "четырехстами", а другим "ничтожным" доступа туда не было. Кроме "четырех сот" жили только те, которые нужны были для экономической жизни курорта. Пансион Дюпэр был занят большей частью музыкантами, сестрами милосердия, служащими в клубах и вообще рабочим людом. Эти люди зарабатывали хорошо и могли себе позволить роскошь жить в довольно дорогом пансионе. У миллионеров, в собственных особняках были всегда приглашенные и некоторые, хотя редко, жили в великолепных дорогих клубах.

Все лето Анна не отходила от матери, Елизавете нужен был уход, но Елизавету мучило ее отсутствие из магазина и она возобновляла одну и ту же тему, как вообще магазин будет без нее. "Да мамочка, ты скоро

поправишись, — убедительно отвечала Анна, — и все пойдет по старому". "А как же твои занятия? Ты совсем забросила ученье".

"Сейчас лето, я буду заниматься и быстро наверстаю зимой".

Анна с матерью уже два месяца жили в Ньюпорте. Лето клонилось к концу. Ньюпорт пустел с каждым днем. На набережных гуляло все меньше и меньше народу, море бороздили грозные волны, все больше и больше покрывая берега, белые чайки смело приближались к ним и в некоторых местах безбоязненно садились. Анна тосковала в опустевшем городе. Елизавета опасалась будущего, в пансионе Дюпрэ жизнь обходилась дорого. Правда Маршал полностью выдавал ей жалованье, но на оплату врача и лекарства необходимо было много средств, сбережения уходили. Было возможно лишь платить за пансион и квартиру в Нью-Йорке. Обе женщины старательно скрывали друг от друга свое волнение, но в разговоре как-то невольно проскальзывали тосклевые ноты. Анна великолепно понимала душевное состояние матери. Гуляя по тоскливому берегу, часто под дождем, Анна обдумывала создавшееся положение. Она отдавала себе отчет в том, что мать вероятно больше не сможет работать и после болезни останется слабой на всю жизнь; только воздух, хороший уход и питание и полнейший отдых смогут спасти ее и восстановить ее силы. О работе и думать было нечего, но для такой жизни нужны средства.

Придя как-то домой после прогулки, Анна обратилась к матери: "Ты знаешь мама, мне неприятно здесь жить ничего не делая. Я с восторгом стала бы работать".

"А как же твои курсы?"

“Я великолепно смогу работать, а по вечерам учиться. Это делают миллионы людей в Америке. Ведь ты же знаешь, мама”.

“Да, но вечерние курсы очень утомительны”, — сказала Елизавета, слабо защищаясь.

“Боже мой, мама, что может быть утомительным в семнадцать лет?” Елизавета горько вздохнула: “Что же ты хочешь делать?”

“Я думаю наняться пока в продавщицы, хотя бы к Маршалу. Ты теперь совсем здорова, можешь остаться одна, я буду приезжать на уик-энд”.

“Как печально, что я еще пока не в состоянии работать”, — сказала Елизавета.

“Ты скоро встанешь на ноги и тогда все пойдет по старому. Я пойду на курсы и все будет хорошо”.

Этот разговор имел решающее значение в жизни Анны. Через неделю, простиившись с матерью, которая провожала ее на вокзал, и попросив мадам Дюпрэ в случае чего, сразу вызвать доктора и дать ей знать, Анна села в поезд по направлению в Нью-Йорк. Дождь лил, как из ведра, когда Анна вышла из поезда со своим довольно тяжелым чемоданом. Выйдя из вокзала, Анна решила взять такси, — трамваи были переполнены. Когда она подъехала к дому, вежливый шоффер донес ее чемодан до лифта. В квартире было темно, когда Анна добралась до одиннадцатого этажа; где она жила, она зажгла электричество и открыла ставни. Дневной серый свет сразу залил комнату и осветил густую пыль, лежавшую на полках, на книгах и наувядшем красном цветке в горшке.

У Анны глаза наполнились слезами; одиночество и грусть охватили ее, но она быстро оправилась. Сейчас же она принялась за работу и через два часа все в квартире ее было начисто убрано. Она снова разместила

фотографии и безделушки и квартира приняла уютный вид. Приняв ванну, Анна заснула глубоким сном.

На другой день, рано утром наряда одевшись в новый серый костюм и черную шляпку, которая так гармонировала с ее пушистыми белокурыми волосами, она пошла по направлению к Маршал Директор, мистер Хендерс, принял ее очень любезно: "Вы выросли и похорошели, Анна, мне кажется еще вчера вы были маленьkim ребенком. Как здоровье вашей матери?" — спросил он.

"Боюсь, что мама еще долго не в состоянии будет работать, мистер Хендерс, — сказала Анна, — может быть никогда, — грустно добавила она. — "Я пришла спросить у вас, не можете ли вы мне дать место продавщицы?"

Директор сочувственно посмотрел на нее. "А какие ваши медицинские курсы?" — спросил он. — "Я буду заниматься по вечерам, пока мама больна", — ответила Анна, стараясь улыбаться. — "Мне необходимо теперь работать за нее".

"В таком случае я вам советую поступить манекеном. У нас как раз в отделении, где показывают платья, нужен манекен, наш манекен, мисс Стромс выходит замуж и оставляет службу. У вас прекрасная фигура, вы вполне подойдете, заработка очень хороший, вдобавок за каждое проданное платье, вы получаете два процента".

"Я вам очень благодарна, мистер Хендerson" — сказала Анна. — "Когда мне нужно приняться за работу?" Хендерсон улыбнулся: "вот хорошо, что вы такая решительная. Вы можете притти на работу хотя-бы завтра. Впрочем, подождите минутку, я вам дам записку к миссис Теннер, которая заведует манекенами". Чрез два дня Анна поступила в магазин. Ее грациозная

фигура сразу имела большой успех и ее репутация шикарного манекена, быстро разнеслась по Нью-Йорку. Все хотели иметь платья по фасонам и выбору Анны. Многие дамы и молодые девушки покинули другие модные дома, чтобы покупать платья у Маршала. Редкая невеста в Нью-Йорке не хотела бы иметь платья, носимые Анной. Ее красота и грация привлекали не только женщин, но и мужчин. Скоро Анна стала получать любовные письма, цветы, шоколад от разных молодых и не молодых людей, но она с пренебрежением относилась ко всему этому и, если ей не удавалось возвращать эти подарки, она дарила их другим продавщицам. Анна тосковала первые дни; работа бесконечно утомляла ее, по два, три раза в день, ей приходилось одевать одно и то же платье, которое капризные богатые американки заставляли ее показывать. Вечером она приходила усталая и одинокая без своей дорогой матери прибирала всю квартиру. Потом она готовила себе сама обед и только в субботу уезжала к матери — единственный приятный день в неделю. Там она с каждым днем убеждалась в том, что мать не скоро встанет на ноги. Через некоторое время она привыкла к своей утомительной работе и попробовала ходить вечерами на курсы, но это настолько утомило ее, что боясь слечь, что было бы для нее трагедией, она решила временно оставить курсы и удовольствоваться службой. К концу весны, когда, наконец, пришли желанные каникулы, Анна была счастлива. Этот первый год утомил ее и она мечтала побывать со своей матерью поплавать и отдохнуть на берегу моря.

Взяв чемодан полный красивых летних платьев из магазина Маршал, которые обычно дают красивым манекеншам для рекламы, Анна села в поезд по направлению в Ньюпорт.

ГЛАВА 5.

Эдуард Хольт, единственный сын очень богатых родителей, занимал роскошную квартиру на "Парк авеню" вместе со своей молодой и красивой женой, на которой он женился всего лишь два года тому назад. Эдди минуло двадцать восемь лет и женился он, по понятиям родителей, поздно, но он учился в Англии и быть может благодаря этому воспитанием своим не походил на многих молодых людей Нью-Йорка. Возвращившись из Оксфорда, где он блестяще окончил курс и где, к ужасу своих родителей, чуть не остался преподавателем, Эдди поехал в Ньюпорт с родителями на лето. Встретившись с Изабеллой Гильфорд он был ослеплен ее красотой. Изабелла избалованная дочь одного из так называемых "четыреста", до встречи с Эдди была уже невестой, но кто вообще из молодых барышень Нью-Йорка не была, по крайней мере, раза три невестой до замужества? Эдди повезло, Изабелла была невестой всего один раз. В общем Эдди не сразу обратил внимание на Изабеллу, она это заметила и решила наказать его. Она была уверена, что он из снобизма, приехав из Оксфорда, не хочет флиртовать с американской барышней. Изабелла забросила своего бедного Жана, давное в нее влюбленного и которого она промучила

целый год, пока, наконец, не согласилась быть его невестой. Правда Жан был очень красивый, высокого роста молодой американец, принадлежавший к четырехстам, но Изабелла не была влюблена в него. Единственная причина почему она согласилась быть его невестой было неотвратимое и страстное желание помешать его свадьбе с Маргаритой Фуллер, давно влюбленной в него. Изабелла не могла допустить, чтобы Жан женился на другой, он был самым блестящим женихом их компании. Когда же появился Эдди, Изабелла переменила свое мнение. То, что Эдди не обратил на нее внимания приводило ее в недоумение; это заметила и ее подруга Кристина. Изабелла не желала, чтобы ее репутация не победимой львицы могла пострадать. Она решила "приняться" за Эдди: "Она ему покажет". Ей в этом помогли ловкость и шарм. Сначала Эдди сопротивлялся: "Конечно, рассуждал он про себя, она очень красива эта молодая девица, но уж очень самоуверенна и что то в ней есть отталкивающее"... Но спустя неделю, после их частых интимных встреч, неизвестно каким образом Эдди поцеловал ее, уже очень был велик соблазн и хотя он сразу пожалел об этом, но было поздно. Через день она уже сама целовала его и объявила ему, что она порвала свои встречи с Жаном. С торжеством победительницы смотрела она на свою подругу Кристину. Через несколько дней она объявила Эдди что ее родителям известно об их помолвке, несмотря на то, что Эдди ни словом не обмолвился вообще о помолвке, но ему ничего не оставалось сделать другого, как согласиться. Изабелла хотела на этот раз торопиться со свадьбой. Быть может она боялась, что Эдди в последнюю минуту передумает, а этого она не переживет. Хотя он тщательно скрывал свои колебания, но они как нарочно проскальзывали наружу.

Свадьба была назначена через два месяца. Начались спешные приготовления, родители Эдди были в восторге: невеста была молода, красива и богата. Чего-же лучшего можно было еще ждать? Жан ходил угрюмый и от него не отставала Маргарита. Эдди ходил, как во сне. В один прекрасный день, сам не сознавая, как он очутился в церкви рядом с сияющей и красивой Изабеллой, которая ему показалась ненужной и чуждой. Ему давно было скучно в ее обществе и всех тех, кто ее окружал. Он был скорее поэтом, мечтателем и совсем не подходил к этой золотой избалованной молодежи, говорящей только о коктэйль-парти и танцующей под джаз негров; они все ему были чужды и ненужны и когда священник спросил его в церкви, согласен ли он быть мужем Изабеллы, его охватил страх, ему захотелось вырваться, убежать, но он быстро оправился и еле слышным голосом что-то пробормотал, но никто казалось, в этот момент ничего особенного не ожидал от него, и, не дожидаясь вообще ответа, священник продолжал свой обряд. Через несколько минут все было кончено и с Изабеллой под руку, Эдди рассеянно приимал поздравления и ему казалось, что он присутствует не на своем, а на чужом торжестве.

Молодожены поселились в роскошном особняке на Пятом авеню, который был отделан лучшими декораторами Нью-Йорка. Почти всю мебель привезли из Парижа, комнаты были просторные с высокими потолками, все было роскошно и великолепно. Эдди хотелось иметь маленький уютный кабинет с любимыми книгами, но никто ничего не спрашивал его и все делалось помимо него. Первое время Изабелла набрасывалась на него со страстными поцелуями, которые ему нравились и забавляла его, но ее вечная беготня, вечный шум, кастые выезды, вечные балы и танцы,

бары, подруги, друзья, телефоны с утра до ночи, скоро надоели ему. Ему хотелось посидеть одному в уютном углу дома вечером, как он это делал в Оксфорде и почитать. Но в его доме не было такого угла. В один прекрасный день, по своей инициативе он пригласил декоратора и приказал ему переделать кабинет. Он предложил ему разделить на две части эту, слишком большую комнату и поставить перегородку таким образом, чтобы потолок стал низким. Ему непременно хотелось иметь камин. Это потребовало довольно сложных работ и чуть ли не перестройки всего дома, но в Америке для миллионеров нет ничего невозможного. В этой стране, где можно в шесть месяцев построить небоскреб — через две недели все было готово и Эдди был в восторге, зато Изабелла пришла в бешенство, ей никогда в жизни никто не противоречил, неужели она подчинится капризу Эдди? Все удивлялись и поражались всему, что она делала, все всегда восторгались ее вкусом и ее красотой. И вдруг... Она накинулась на Эдди с злыми упреками не стесняясь в выражениях. Эдди в первый раз вообще увидел женщину в таком состоянии. Он защищался, как мог, умоляя ее успокоиться, но видя, что она приходила все больше и больше в бешенство, закрылся на ключ в своей спальне и не вышел к завтраку, приказав лакею подать ему сандвичи. Изабелла, как бешеная, помчалась к своей матери, чтобы рассказать про наглость своего мужа, но к ее глубокому удивлению мать приняла сторону Эдди, говоря, что он не похож на других американских мужей, которые во всем подчиняются своим женам, потому что он учился в Англии и что она, Изабелла не должна придавать этому значения, что вообще с такими людьми надо быть осторожной и действовать с хитростью. "Ты знаешь, дорогая, — сказала ей мать", будь, на-

оборот, ласкова, тиха и ты увидишь, что он скоро будет у твоих ног". Изабелла успокоилась, в общем ей было все равно, что кабинет был такой, а не иной, ей только было противно, что он посмел это сделать, не посоветовавшись с ней. Было бы лучше, если бы она вышла замуж за Жана, который действительно любил ее настоящей любовью и во всем покорялся ей, да, но теперь это поздно, Жан все время выезжает с этой противной Маргаритой. Уродина в сравнение с ней, с красавицей. И он, как будто быстро утешился... Да, мать права, но нужно быть ловкой и тогда все пойдет так, как она, Изабелла, того желает.

Когда Изабелла возвратилась, Эдди в доме не было, у него от этой сцены разболелась голова, он решил немножко проехаться, взяв свой великолепный Паккард, он выехал за город в Ойстер Бай, где проживал его приятель по Оксфорду, сын шотландца, мр. Дугласа, эмигрировавшего в Америку. Этого шотландца, великолепной семьи, младший сын лорда, остался без копейки денег после смерти своего отца. Все состояние пошло старшему брату, решил поехать в Америку искать счастья. Ничего не говоря про образование полученнее им, ни о семье, приехав в Америку он сначала поступил простым рабочим на завод, но очень скоро его ум, понимание людей, выдвинуло его и скоро из простого рабочего он стал помощником директора. Он женился на прелестной маленькой ирландке Дороти Мак Карти, с зелеными глазами и черными волосами и, когда у них родился первый сын — Гарольд, не было более счастливой четы. Дуглас совсем забыл прошлую жизнь в роскошном замке своего отца; он больше в Англию не возвращался, но за то, когда его сын Гарольд подрос, отец его послал сначала в Итон, потом в Оксфорд. В эту

семью и приехал Эдди на Ойстер Бай. Его приняли с распростертыми объятиями и оставили обедать. Хотя семья Дугласа далеко не принадлежала к пресловутым "четырехстам" и жила гораздо скромнее, тем не менее все у них в доме было красиво и уютно, а главное, тут все дышало счастьем и уютом, которого так недоставало Эдди. Мать Дугласа была уже пожилой дамой, она ласково приняла Эдди. Чутьем матери она сразу поняла, что у Эдди что-то не ладилось. Отец Гарольда очень понравился Эдди. Пришла Генриетта Боннель, красивая блондинка девятнадцати лет с живыми темными глазами, составлявшими живой контраст ее светлым ъюлосам и нежному цвету лица. Она была соседкой и на этот раз забежала к Дугласам, как она это делала почти каждый день. Увидев Эдди, она залилась румянцем и собралась уходить, но Гарольд удержал ее и сказал: "Эдди, представляю вам мою невесту". Генриетта еще больше покраснела и умоляющими глазами посмотрела на мать Гарольда. Это была очеломляющая новость, так как Гарольд никогда еще об этом не объявлял своим родителям. Держа ее за талию, Гарольд подвел свою невесту к матери и та крепко поцеловала ее. Эдди по американским обычаям попросил разрешения поцеловать невесту. Потом все сели за стол и отец Гарольда открыл неизбежную бутылку шампанского. Генриетта была очаровательна и сияющими глазами смотрела на своего жениха. Смутное чувство неудовольствия охватило Эдди. По американским понятиям он считал себя далеко не мальчиком ему скоро двадцать девять лет и он прозевал счастье. У него, конечно, красавица жена, но он не любит ее, она бездушная кокетка, как он мог попасться на удочку? Ему стало тоскливо и захотелось выйти освежиться, немножко прогуляться и рассеяться, но, чтобы никого

не обидеть, он досидел до одиннадцати вечера, когда наконец Генриетта решила итти домой. Распростишись с милыми хозяевами, Эдди и Гарольд вышли оба на улицу проводить Генриетту и вернулись обратно за автомобилем Эдди. Гарольд великолепно понял настроение своего приятеля. "Что с вами Эдди, — спросил он, — вы несчастливы"… Эдди рассмеялся: "Вы знаете, Гарольд, я неудачно выбрал жену — это испорченная, избалованная женщина".

"Да, — сказал Гарольд, — но она еще так молода, она еще сможет измениться". — "Самое ужасное, — сказал Эдди, — что, несмотря на ее красоту я не люблю ее!" Гарольд ничего не ответил. В молчании товарищи простились. Эдди сел на свой "Спидер" и быстро выехал на большую дорогу по направлению Нью-Йорка. Когда он приехал домой, было довольно поздно. Не было почти нигде огня кроме в спальне Изабеллы. Эдди стало неприятно: "Неужели она поджидает его, чтобы устроить еще сцену?" — Тихо на цыпочках, чтобы не было слышно, он пробрался на верх к себе.

На следующее утро, когда он сошел в столовую к завтраку, Изабелла в роскошном розовом пеньюаре, блестая красотой и молодостью, сидела за столом и пила чай. Эдди поцеловал ее в щеку и спросил хорошо ли она спала. Изабелла казалась в великолепном состоянии духа, она ни словом не упомянула о вчерашней сцене и самым мыльным и естественным тоном спросила у Эдди: "Эдди, какая у вас сегодня программа?" Что вы думаете сегодня делать, где мы будем завтракать?" Этот вопрос заставил Эдди призадуматься, "какая у него в общем скучная жизнь! Что он будет делать? Он пойдет в какой-нибудь шикарный ресторан завтракать с своей женой, а потом она его повезет

смотреть платья, затем чай, джаз, коктэйль, нет, это не жизнь"... Он устало ответил жене, что пойдет с ней завтракать, куда она пожелает. У Изабеллы заблестели от радости глаза, это первый признак, что ее новая тактика — самая лучшая. Ее мать была права: с некоторыми мужчинами нужно быть ласковой и тогда можно всего добиться. Эдди пил свое кофе не глядя на Изабеллу. Мысли поплыли вокруг воспоминаний... Вот уже два года, как он вернулся из Оксфорда, где он изучал философские науки и где ему предложили даже кафедру по философии, это так интересовало его. Но родители настояли на том, чтобы он вернулся в Америку. И здесь его так быстро окрутили и навязали ему эту женщину"... Он поднял глаза, чтобы посмотреть на нее — какая блестящая, красивая женщина, но что-то неприятное, жестокое в ее тонких губах. Нет, он не может продолжать так жить, он должен работать, принять что-либо. Он продолжал молчать, слушая веселую болтовню своей жены, но решение им было принято. Неделю спустя он принял философскую кафедру в Нью-Йоркском университете.

ГЛАВА 6.

Когда наступили летние каникулы, Эдди пришлось волей неволей поехать в Ньюпорт. Его жизнь с женой принимала все более и более неприятный характер. Сначала, когда он объявил ей о своем решении стать преподавателем, она снова пришла в негодование, издеваясь над ним, советуя ему носить очки, которые придали бы ему еще более профессорский вид, но потом она махнула рукой. Три видались все реже и реже. Изабелла же все чаще и чаще стала выезжать, окруженная толпой золотой молодежи, возвращалась поздно ночью и выходила лишь к завтраку в час дня, грызя шоколад, который ей подносил молодой Чарли Хендerson, сын одного из "четырехсот", великолепный танцор, умевший танцевать так же хорош, как Фред Астэр. Если Эдди случайно завтракал дома, Изабелла осыпала его бесконечными упреками, грозя разводом и скандалом. Эдди часто задавал себе вопрос, не лучше ли ему развестись и когда в один прекрасный день, ему надоели сцены, и он предложил Изабелле развод, она расплакалась и сказала: "вы наверное хотите развестись со мной, чтобы жениться на другой. Я вам никогда развода не дам!" Она никак не могла предположить, что Эдди хотел развод, только для того, чтобы

освободиться от нее, она давно вместе со своей матерью пришла к заключению, что Эдди наверное связался с какой-нибудь женщиной, которая одна виновата во всем и она, Изабелла, развода не даст. Не могла же она допустить, что ее, известную красавицу, бросают для другой. Вдобавок неизвестно, женится ли на ней Чарли Хендerson, он скорее принадлежит к числу молодых людей, которые любят танцевать, флиртовать и веселиться, но жениться — это другое дело, он не захочет себя связать. В прошлом году он ухаживал за Долли Тернер, но очень скоро оставил ее. Конечно она, Изабелла, настолько красивее Долли, но все же у нее было чувство, что Чарли жениться не собирается, что ему и так хорошо. Чарли всегда ухаживал за замужними женщинами или же за дамами полу света — это был не муж.

В Ньюпорт Изабелла привезла с собой громадную толпу той же молодежи, которая пила коктэйль, купалась, веселилась, танцевала, устраивала состязания — кто лучше танцует "тапс", устраивала балы и последнюю новость, которая называлась "бал поцелуев", где все страстно целовали чужих жен и мужей. Эдди все это было противно. В этом обществе у него не было ни одного друга, он проводил время на пляже и читал или же уплывал далеко, подальше от жены и ее поклонников и друзей. Его мать предоставила свой большой дом в Ньюпорте сыну и невестке. Она давно стала замечать что-то неладное в их отношениях, но она была в восторге от своей невестки, которая по ее мнению была исключительной красоты, элегантности и часто говорила, что все это происходит от того, что Эдди воспитывался в Англии и этим отличается от других здоровых молодых американцев, которые не ищут чего-то необыкновенного, а довольствуются жизнью и

молодостью. Отец Эдди, немного забитое существо, под каблуком жены, тихо и тайно вздыхал, горячо сочувствуя сыну... Эдди горячо любил своего отца и понимал его тяжелую жизнь. Его отец ненавидел "свет", после дня тяжелой работы в банке, он мечтал посидеть дома после обеда, выкурить сигару и почитать газету, но его жена была неукротима и почти каждый вечер по приезде домой, он должен был одевать фрак и сопровождать ее на обеды, балы, в оперу или другие развлечениям. В Ньюпорте он часто проводил время с сыном вместе на песке в купальном костюме и отдыхал с ним. Они говорили о погоде, о купанье и о других мелочах, часто часами молчали, но без всяких разговоров они понимали друг друга. Иногда, не дожидаясь других, они шли завтракать в ресторан на берегу моря и там они с увлечением смотрели на двух женщин, не похожих на других, сидевших тихо и скромно, но пристающих необычайной красотой, — это повидимому были мать и дочь. Мать — еще молодая, с усталым и очаровательным лицом и совсем молодая девушка, почти ребенок, сияющая красотой и молодостью, но с таким грустным выражением глубоких и ясно голубых глаз, что у Эдди часто бывало желание подойти к ней, чтобы утешить ее.

Эти две женщины появлялись вместе два-три раза в неделю, — но Эдди часто встречал молодую на берегу моря, где она купалась и уплывала довольно далеко. Раз как-то он даже побоялся, что она уплыла слишком далеко и готовился, сломя голову, за ней поплыть, чтобы оказать ей помощь, но, к его разочарованию, она скоро повернула и вышла на берег, как будто ни в чем не бывало.

ГЛАВА 7.

Анна отдохала и Елизавета чувствовала себя гораздо лучше, но она слишком ослабела и только хорошее питание и отдых могли поддерживать ее здоровье, малейшее напряжение было ей запрещено. За прошедший год Анна заработала довольно хорошо, и благодаря этому могла прожить лето в самых лучших условиях. Анна наслаждалась воздухом, она долго лежала на пляже, читала или же уплыvalа в море. Это лето она решила ни о чем не думать — просто отдыхать. Потом уж зимою Бог поможет и она снова станет посещать вечерние медицинские курсы, от этого она не сможет отказаться. Конечно, ей будет трудно со всем этим справиться но если за год она утомится зато потом она окончит курсы и сделается докторшей. Сначала она поступит в детскую больницу, потом откроет свой кабинет, займется специально детьми и будет у нее другая жизнь и другие интересы. Часами лежа на берегу, она мечтала о будущей лучшей жизни.

Лето проходило с быстротой молнии, публика постепенно разъезжалась. К тяжелым сердцем готовилась Анна к отъезду. Елизавета тоскливо думала о зиме, об одиночестве на опустевшем зимнем курорте.

“Не лучше-ли мне поехать с тобой”, — говорила она своей дочери. — “В городе мне будет гораздо лучше, здесь уже слишком тоскливо зимой одной без тебя, да и в городе я тебе буду очень полезна...”

“А как-же морской воздух, который тебе так необходим? В Нью-Йорке воздух вредный”.

“Я вернусь сюда, если почувствую себя хуже. Мадам Дюпрэ меня всегда возьмет обратно”.

“Конечно, мама, мне гораздо веселее с тобой, но в квартире ты захочешь работать, а здесь тебе все подают и у тебя здесь настоящий отдых”.

“Но зато, как скучно жить одной без тебя, моя дорогая девочка, если бы ты знала. Ведь для меня ты все еще маленькая и мне все еще кажется, что тебе грозят многочисленные опасности”...

Анна вздохнула: “Я вполне понимаю, мама, твое настроение. Решим по твоему, так и быть”.

Елизавета повеселела. Обе женщины с облегченным сердцем принялись за упаковку вещей, через два дня они вернулись в Нью-Йорк. Дни потекли без особых перемен. Анна возобновила работу в магазине. Елизавета принялась за хозяйство.

В Нью-Йорке в 1933 году зима была как всегда холодная, количество безработных возрастало с каждым днем. В Соединенных Штатах был кризис, ценности на бирже стремительно падали, в городах шопотом говорили о разорении того или иного миллиона-ра и даже о самоубийствах; всюду закрывались банки. Этот кризис повлиял на дела Маршала, количество клиентов значительно уменьшилось, всюду чувствовалась паника. Анна, благодаря этому освобождалась в магазине раньше обычного. Модницы все реже приходили смотреть платья. Тогда она торопливо одевалась и уходила домой. Дома Елизавета делала

все возможное, чтобы дать дочери отдохнуть и в восемь часов Анна была уже на вечерних медицинских курсах.

* * * *

Эдди Холт продолжал посещать университет три раза в неделю, и в остальное время он разрабатывал темы и много читал. С женою у него были натянутые отношения. Изабелла его преследовала насмешками, но сцен ему больше не устраивала. Чарли постоянно заезжал за ней и увозил ее танцевать, она возвращалась домой поздно ночью и мужа не беспокоила. Эдди проводил свои вечера почти всегда один, иногда выезжал в театр вместе со своим другом Дугласом, иногда со своим отцом, к которому он заезжал прямо из университета. Часто по вечерам он вспоминал незнакомку из Ньюпорта и при этом безотчетно у него начинало усиленно биться сердце. Ему было грустно, он мечтал о любви, а Изабеллу любить он не мог. Перед его глазами выплывало идеальное лицо девушки и, сидя у себя, опустив голову он задумывался, стараясь вспомнить каждую ее черточку. Его отец, заметив еще в Ньюпорте увлечение своего сына, как-то смеясь сказал ему: "Ты знаешь как зовут красавицу, которая тебя так интересует? Это мадемузэлль Зилен и она служит манекеном у Маршал. Я узнал это от одного музыканта, который живет в одной с ней гостинице".

Эдди стало неприятно, он ничего не ответил отцу, но мысль, что это очаровательное существо "манекен" казалась ему ужасной. "Да, конечно, — думал мал он про себя, — она очень красива, но в Нью-Йорке столько красивых манекенов". Он вспомнил, что он видел у нее как-то на шее настоящие прекрасные жемчуга и это его поразило тогда, но теперь он понимает, это

вероятно подарок какого-нибудь поклонника, и, конечно, старика. От мысли этой ему стало как-то не по себе и он старался не думать о ней больше. На замечание отца о ней, он тогда ничего не ответил, но мысли о ней не оставляли Эдди. Он задавал себе вопрос: 'Какой она может быть национальности? Родились ли она в Нью-Йорке, или же эмигрантка. Он рисовал себе эмигрантскую среду, бедность, грубость, грязь кварталов, где обыкновенно живут все эмигранты. Да, но это так не подходило к ней, она, вероятно, принадлежит к иному кругу общества. Несколько раз невольно, как будто подталкиваемый какой-то неведомой силой, Эдди направлялся к магазину Маршал. В свободные дни, когда он не ездил в университет, подъезжая на машине к магазину, он задерживался, но старался преодолеть слабость воли и ехать дальше. Как-то он проезжал в половине шестого и остановился против магазина. Кругом было пусто, других автомобилей почти не было, магазин закрывали. Последние покупатели, смешиваясь с толпой служащих, спешно направлялись к выходу. Элди простояв полчаса, надеялся увидеть ее, но выходили разные девушки, маленькие и большие, светлые и темные, но ее не было. После этого ему стало особенно тоскливо. Бесцельно он направился на 5-ое авеню домой, куда ему не хотелось возвращаться. Одиночество его кабинета показалось ему невыносимым. Он решил вдруг не возвращаться к себе, а ехать в театр, выбрав веселую пьесу, он купил на улице у барышника билет, как это почти всегда бывает в Нью-Йорке, когда пьеса имеет успех. Театр был полон. Эдди уселся в кресло и развернул программу. Кто-то сзади хлопнул его по спине, веселый голос проговорил: "Эдди, что-же ты один, а где же Изабелла?"... Повернувшись он увидел одного из своих многочис-

ленных друзей, молодого тэннисмэна Статфорда, с которым ему приходилось часто играть. Статфорд сидел в большой компании таких же веселых молодых людей, как он сам. Во время антракта Эдди разговорился с товарищем. Компания решила ехать после спектакля ужинать в один из фешенебельных ресторанов и всячески уговаривала Эдди ехать с ними. Эдди было скучно, спектакль не развеселил его, хотя, повидимому, публика находила пьесу очень забавной. Возвращаться к себе ему не хотелось, последние дни он плохо спал. Он чувствовал, что чего-то ему не хватает. Поддавшись на уговоры друзей, он решил поехать убить время. Он попал в роскошное, ярко освещенное помещение, народу было масса, все оживленно танцевали. В компании Эдди было несколько красивых молодых барышен. Эдди стал танцевать, но чем веселее становилось его друзьям, тем скучнее становилось ему. Казалось — ничто не могло развеселить его, — интересные, несколько фамильярные барышни казались ему все менее и менее интересными, их манеры невыносимыми, даже шампанское показалось ему плохим. В два часа ночи, простившись с друзьями, он поехал домой. В эту ночь он долго не мог заснуть. Ему снился Ньюпорт и Изабелла, которая на большой акуле преследовала его. Когда на другой день он проснулся с тупой болью в сердце, он решил уговорить свою мать поехать с ним к Маршалу, чтобы выбрать платье, которое он собирался ей подарить.

ГЛАВА 8.

Мадам Хольт весело встретила своего сына, когда лакей пришел известить ее о его приходе. Был час завтрака.

“Мама, я пришел с вами посидеть. Я давно не видел вас”, — сказал Эдди, целуя мать.

“Какая приятная новость... Ты из университета? Твой отец, как ты знаешь, домой к завтраку не приходит, мы позавтракаем с тобой вдвоеем, как в старое время”...

Мать с сыном перешли из будуара в столовую. Эдди обдумывал каким образом завести разговор, который интересовал его:

“Ты, мама, так прекрасно одеваешься”, — сказал он, краснея, заранее зная, что наряды его матери ему никогда не нравились. — “Но почему ты в черном сегодня?” — флегматично добавил он, — “это тебя старит, цветные платья тебе больше к лицу”.

“Ты знаешь, ответила мадам Хольт сыну, у меня вообще мало цветных платьев”.

“Я думаю, — продолжал Эдди, — что серый цвет тебе больше подходит”. Мать улыбнулась: “Как ты стал интересоваться туалетами, я вижу хорошее влияние жены. Вот, что значит женатый человек.”

Эдди стало противно, мысль об Изабэлле всегда наводила на него тоску, у него сжалось сердце, он с грустью подумал, что его мать мало понимает его. Он вспомнил одинокую жизнь своего отца, которого он любил и жалел. Нет, он не согласится продолжать такую жизнь, потом он тайно упрекнул себя, что он плохо относился к своей матери. В общем, она была хорошая мать и верная жена, она по своему любит и его и отца, да и, наконец, его мать на Изабэллу не похожа. Изабэлла никого не любит и наверное даже не верна ему, — подумал он. Он совсем ушел в свои мысли и вздрогнул когда раздался голос матери.

“Ты думаешь, Эдди, что мне пойдет платье серого цвета?”

“Да, мама, если хотите, я вам подарю новое платье”. — Эдди был доволен, видя, что мать сама идет на уドочку.

“Я в восторге, оживленно отозвалась мадам Хольт, не хочешь ли ты поехать сегодня выбрать мне платье. Мы поедем к моей “Клемантин”, она привезла парижские модели”.

“Я слышал мама, что лучшие платья сейчас у Маршал”, — сказала Эдди с волнением.

“Можно посмотреть и у Маршал”, — сказала мать, не замечая волнения своего сына. — “Твой автомобиль у подъезда?”

“Да, мама, я вас подвезу, если вы этого желаете”.

Недолго продолжался легкий американский завтрак, мадам Хольт вернулась с сыном в будуар, где она обычно пила кофе. Эдди закурил папиросу, но разговор почему-то не клеился: он предвкушал предстоящее свидание с Анной. Ему ничем не хотелось нарушать свое настроение. К счастью мать его пошла переодеваться, довольная перспективой покупки наряда. Тишина и

уютная обстановка со вкусом обставленного будуара его матери, как-то успокаивающие действовали на Эдди. Скоро миссис Холт вернулась уже с шляпой на голове и Эдди решительными шагами, подавая ей весело руку, направился с ней к автомобилю. Минут через десять они подъехали к Маршалу. Эдди вышел из автомобиля и помог выйти своей матери. Решение вновь увидеть мадемузель Зилен, как он ее называл про себя, успокоило его, хотя ему стало страшно и невольно хотелось вернуться обратно, но было поздно, пути были отрезаны. Его мать оживленно шла вперед к лифту; еле двигая ногами, как во сне, Эдди следовал за ней. Миссис Холт чувствовала себя здесь, как дома: она, повидимому, знала все ходы и выходы. Негр поднял их на лифте в двенадцатый этаж и они вошли в большой зал, где любезная дама вышла им навстречу. Узнав мадам Холт, дама повела их в лучшие отделы и льстиво уверяла мадам Холт, что она весьма счастлива иметь визит ее, что выбор нарядов прекрасен и что лучший манекен мадемузель Зилен одета в самые нарядные платья. "Мы ждали только нескольких важных клиентов, как вы, мадам", — говорила она все кланяясь, — "для того, чтобы начать представление пальто".

На Эдди тут никто не обратил внимания. Здесь было дамское царство. Много нарядных дам сидело в роскошных креслах, обитых красивым бархатом, как в театре, ожидая выхода манекенов. Директрисса и продавщицы бегали и волновались. Как и за кулисами, так и в зале стоял оживленный шум дамской болтовни. Эдди сидел еле дыша, ему все казалось здесь не реальным, и он задавал себе вопрос, зачем и для чего он сюда попал. Мать, занятая осмотром зала и дам,

к счастью не замечала перемены его настроения. Через несколько минут, как в театре, занавес поднялся и многочисленные манекены легкой, гибкой походкой, нарядные, завитые, накрашенные вошли в зал, останавливаясь перед каждой дамой и оборачиваясь по сторонам шли дальше. Несколько минут перерыва и, сияя красотой, с широко раскрытыми голубовато-сиреневыми, грустными глазами, (составлявшими такой резкий контраст улыбающимся, слегка подкрашенным губам), показывая белое подвенечное платье, неторопливой походкой, вышла Анна. Раздались восклицания: "Ах, как красиво!"

"Это мисс Зилен. Ей к лицу белое..."

У Эдди похолодели руки и сильно забилось сердце. Его мать с восторгом сказала ему: "Ты знаешь, это самый красивый манекен Нью-Йорка, говорят, что у нее громадный успех и масса поклонников и что, как это ни странно, она не обращает ни на кого внимания. Еще говорят, что она дочь русского великого князя — эмигрантка. Я попрошу ее подойти поближе, когда она переменит платье".

Когда Анна ушла, Эдди показалось, что исчез свет в комнате. Он безразлично смотрел, не замечая других красивых манекенов, показывающих разные и также очень красивые платья. Через некоторое время опять вышла Анна; она была на этот раз в простом плиссированном сером платье и, казалась, почти ребенком. Ее тонкая, хрупкая фигура еще более красиво выделялась в простом платье. Мадам Холт платье не понравилось, но в Нью-Йорке было известно, что мисс Зилен носит самые красивые парижские модели и против этого нельзя было итти. Волей-неволей пришлось мадам Холт просить директриссу пригласить к ней Анну, чтобы еще раз посмотретьеть вблизи платье. "Тебе нравится пла-

тье, которое носит мисс Зилен?" — спросила она сына.

"Это платье чудное и «*très chic*», — сказал по-французски Эдди. Слово "шик" сразу убедило мадам Хольт и привело ее в хорошее настроение. Анна в сопровождении директриссы подходила к мадам Хольт, Эдди не сразу поднял глаза, чтобы взглянуть на нее, но, когда он, наконец, решился, он увидел, что она узнала его. Лицо Анны было бледное, потом оно почему-то залилось краской, серьезными глазами, не улыбаясь, она смотрела на него.

"Мадам Хольт, вот наша лучшая манекенша, мисс Зилен, представляю вам ее". Эдди приподнялся и, стоя, ждал, что его представят.

"Мой сын, — сказала мадам Хольт, смеясь, — он помогает мне выбрать платье". Эдди поклонился. Директрисса торопливо объясняла детали платья, так как другие дамы вызывали ее, желая посмотреть платье Анны.

"Тогда мы решим, это платье", — сказала мадам Хольт. Эдди, не сводя глаз с Анны, кивнул головой. "Вы, наверное, сможете примерить платье это через два дня", — сказала Анна. Эдди в первый раз услышал звук ее голоса, и был поражен этим мягким женственным звуком и прекрасным английским произношением. "Какое счастье, — подумал он, — что она не вульгарный манекен". Но разве Анна могла бы быть вульгарной — нет, она небесное создание. Его глаза засияли, улыбаясь он восхищенно смотрел на нее. У Анны почему-то задрожали губы, и ее глаза наполнились слезами. Эдди испуганно и восхищенно продолжал смотреть на нее, но Анна повернулась и быстрыми шагами пошла за кулисы. Директрисса все льстиво кланяясь, вернулась к мадам Хольт.

“Мы решили серое платье”, — сказала мадам Хольт. “Платье, которое носит мисс Зилен — это самое лучшее платье, — сказала директрисса. — Когда вы хотите примерить?” — “Я думаю, — в понедельник”, — ответила мадам Хольт. “Сегодня четверг, великолепно, все будет готово. Подождите меня одну минуту, я принесу показать материю”...

Через несколько минут директрисса вернулась с платьем на руках в сопровождении грума, несшего большой кусок материи.

“Мисс Зилен очень извиняется, она только что ушла и не может снова показать на себе платье, ведь она у нас докторша”, — добавила директрисса, — “она на медицинских курсах, ей приходится заниматься по вечерам и поэтому она иногда уходит раньше, но сегодня у нее болела голова”.

Эдди не верил своим ушам, он не мог удержаться, чтобы не сказать: “Как, на медицинских курсах?” — “Да, — сказала директрисса, — ведь она дочь русской эмигрантки, говорят, что ее отец был дипломат, мать работала у нас, а Анна, т. е. мисс Зилен, была в университете. Кажется ей нужно было еще два года, чтобы стать докторшей, но мать заболела и Анне, т. е. мисс Зилен, — опять поправилась она, — приходится работать. Мы ее еще ребенком знали, — добавила директрисса.

Мадам Хольт улыбнулась и сказала: “да, но ведь она такая красавица, зачем ей медицина, она великолепно выйдет замуж за богатого. Карьера манекена...” — лукаво добавила она.

“Я думаю, мисс Зилен не похожа на других манекенов, до сих пор она избегала поклонников и все конфеты и цветы, которые она получала, отдавала другим”... “Так значит мы решим на понедельник вашу при-

мерку", — прибавила директрисса, желая кончить разговор.

Эдди поднялся, ему разговор стал неприятным, видя желание директриссы избавиться от них, от него и его немногой болтливой матери. "До свидания, — сказал он директриссе и предложил матери руку, — боюсь, что мне теперь надо торопиться", — добавил он. Ему хотелось как можно скорее оставаться одному и обдумать встречу с Анной. Она узрала его, в этом нет сомнения, но почему глаза ее наполнились слезами? У него сердце сильно забилось, может быть ей неприятно было показывать платье при нем, — она наверно очень гордая. Он обдумывал, как познакомиться с ней ближе, увидеть ее, теперь он не согласен больше жить без нее, он должен непременно найти способ... Как во сне, он проводил свою мать, слушая ее болтовню и был счастлив, когда, наконец, он очутился один у себя. Он поздно засиделся эту ночь в кресле и курил. Он мечтал о счастье, о лучшей жизни, ведь он так молод. Нет, он должен изменить свою жизнь. С Изабеллой... он вздрогнул при мысли об Изабелле — он почти забыл ее.

ГЛАВА 9.

Разразившийся в Соединенных Штатах экономический кризис задел всех от богатого до бедного. Банк Гильфорд, один из самых старинных Банков Соединенных Штатов пострадал в такой же мере, как многие другие. Отец Изабэллы сумрачно, целыми днями запирался в кабинете. Видя, что жена его не отдает себе отчета в происходивших событиях, он стал подумывать о самоубийстве. С большим трудом ему удавалось отогнать эту мысль. Трудное положение, в которое он поставил бы жену удерживала его от этого. С каждым днем его состояние таяло, каждый телефон оповещал его о разорении того или другого банка или фирмы, с которыми у него были деловые связи. С отчаянием в душе он, наконец, решился переговорить с женой. В этот день он возвратился домой раньше обычного и долго сидел у себя в своем рабочем кабинете, не решаясь заговорить с ней. Наконец, оправившись он постучался к ней.

Мадам Гильфорд была в этот день в особенно, жизнерадостном настроении, ей нравилось платье, которое ей принесли от парижской фирмы и она готовилась провести веселый день с приятельницами. Тоск-

ливое выражение лица мужа заставило ее насторожиться: "Что с тобой Фрэд", — воскликнула она.

"Дорогая моя, я принес нехорошее известие", — упавшим голосом сказал он. — "Мы разорены"... Мадам Гильфорд, сначала покраснела, потом побледнела: "Как разорены? Я не понимаю! Это невозможно!"...

"К сожалению, возможно", — тоскливо сказал Фрэд Гильфорд, — и нам придется сократиться. Я весь в долгах, все акции упали... Если я не выплачу хотя часть долгов, мне грозит тюрьма". Генриетта злобно набросилась на своего мужа: "Что-же ты глупее других, как же ты попал в такую историю?"

"Ты, наверное, не знаешь, что происходит в мире, дорогая моя, ты ребенок! Ведь во всей Америке сейчас финансовый крах, и я попался со многими другими". — "А как-же Холт?" — "Холт — это совсем другое, — у Холта еще фабрики и не только банковские дела; у банкиров всегда риск гораздо больший, — взволнованым шепотом проговорил он, — Генриэтта, у тебя миллионное состояние в бриллиантах, может быть, ты продашь их, — это нас спасет. Во всяком случае, в этом доме нам больше жить невозможно будет, нам придется сократиться, рассчитать прислугу, подыскать другой дом поменьше, а дом в Ньюпорте продать"... Генриэтта заплакала; ей представилась картина всех ее приятельниц, которые будут продолжать жить, как и раньше и с презрением относиться к ней, обдевневшей. Она подумала о тех других, которые ей завидовали и которые никогда не достигли такого благополучия, как она и которых она перестала принимать, не считая их достаточно избранными для ее общества. С какой жалостью они будут глядеть на нее, а у некоторых, пожалуй, хватит наглости больше не приглашать ее (хотя она сама давно не принимала их пригла-

шения), будут считать ее, если не ниже, то, пожалуй, равной им. Какой ужас, какой кошмар! Как мы низко пали, ты виноват во всем, — с бранью обратилась она к своему мужу, — зачем я только вышла за тебя замуж! Ты говоришь, — продолжала она, — что Хольты вышли благополучно из этой истории потому, что у него фабрика, а я говорю, что просто потому, что он умный и изворотливый, а ты дурак и шляпа". Гильфорд вздохнул: "Послушай меня, Генриэтта, я в отчаянии, не увеличивай еще больше моего горя, иначе мне остается кончить жизнь самоубийством. Поверь, мне еще тяжелее, чем тебе, ты, наверное, не отдаешь себе отчета во всей трудности нашего положения, но у тебя, к счастью, есть драгоценности, если ты захочешь их продать, у тебя будет достаточно денег, чтобы прожить всю жизнь, как раньше в хорошем доме, с автомобилем и прислугой, конечно, принимать на широкую ногу, ты не сможешь больше, зато сможешь великолепно жить и все будет хорошо — никто даже не заметит перемены".

"Как, ты хочешь, чтобы я рассталась с моими драгоценностями — никогда в жизни! Ты обязан меня содержать Эти драгоценности мои — ты мне их подарил!"

Генриэтта, дорогая моя, это нам даст возможность пережить тяжелое время, я заплачу свои долги и выберусь...."

"Ни за что!" — злобно крикнула Генриэтта и вышла из комнаты.

ГЛАВА 10.

Изабелла продолжала свою светскую жизнь, почти каждый день она выезжала с Чарли Хендерсоном и веселилась до упада, не думая о завтрашнем дне. С мужем она виделась редко, иногда случайно он завтракал дома, но они не встречались. От времени до времени Изабелла захаживала к мужу в кабинет, когда ей нужна была крупная сумма денег в которой Эдди ей никогда не отказывал. Последнее время Изабелла чувствовала себя неважно; у нее появились головокружения и после еды, в особенности по утрам, слегка тошнило, ей стало трудно выезжать и она побледнела. Тяжелое предчувствие мучило ее, но она все не решалась обратиться к доктору. Только, когда ей стало совсем невмоготу, желая покончить с неопределенностью состояния здоровья, она, наконец, решила пойти за советом к знаменитому врачу. Осмотрев ее, доктор улыбнулся:

Что-же может случиться с прекрасной молодой, здоровой женщиной? Вы, сударыня, — сказал доктор, — самым простым образом, ждете ребенка".

У Изабеллы закружилась голова и она едва в обморок не упала. Значит то, что она подозревала, о чем она боялась даже думать, все это оказалось правдой. Она с трудом поднялась, чтобы проститься с докто-

ром, который видя бледное лицо Изабеллы, воздержался от дальнейшего разговора. Он с презрением относился к женщинам, не желавшим иметь детей, он знал эту категорию женщин, любящих только веселиться. "Как жаль, какие красивые могли бы быть дети у таких красивых и холеных молодых животных", — думал он.

Изабелла, была как во сне, когда она вышла от профессора. Первая мысль у нее была пойти к какомунибудь врачу и избавиться от этого, но мысль, что ей может быть придется рисковать жизнью и что это принесет физические страдания, заставила ее задуматься. Медленно подошла он к своему автомобилю: "нет, я не пойду туда, я поеду к Чарли, я переговорю с ним, нужно принять решение, он поможет мне.

Чарли она застала в утреннем халате. Он с удивлением принял Изабеллу: "В чем дело, Изабелла, вы не предупредили меня о вашем визите".

"Мне нужно с вами переговорить, Чарли, пойдем в кабинет".

Как только они уселись, Изабелла сказала: "Чарли у меня нехорошая новость — я жду ребенка". Чарли с недоумением посмотрел на нее:

"Разве это так трагично", — спросил он. Изабелла немного надоела ему и он решил, что из-за беременности они смогут видаться реже без особых сцен. У него начался роман с известной, очень красивой танцовщицей, хищной и забавной и это отвлекало его от Изабеллы.

"Да Чарли, это трагедия", — сказала она, ведь я давно не живу с мужем и живу только с вами". Чарли насторожился. Этому циничному молодому человеку такая верность казалась невероятной. "Но вы легко мо-

жете избавиться от беременности, — сказал он, — это делают многие женщины".

"Я думала об этом, но я боюсь, что это иногда бывает смертельным и я не могу решиться на такую вещь. Единственное, что нам остается сделать — это перевенчаться Чарли. Я разведусь с Эдди", — добавила она, слегка покраснев, при мысли, что ей приходится первой заговорить об этом.

"Но какой скандал, — ответил Чарли, — вы не получите развода так сразу, а потом до нашей женитьбы надо будет подождать еще девять месяцев, а ребенок за это время успеет три раза родиться — нет, женитьба — это не изход"...

Изабелла замолчала, ей представилось будущее в мрачном виде. Чарли прав, нужно подумать о чем-нибудь другом, искать другой выход. У нее мелькнула мысль, что самое лучшее ей посоветоваться с матерью. Ей было тяжело переносить состояние беременности, все ей казалось отвратительным: и Чарли, и весь мир, и этот ребенок, которого она ожидала и который так был некстати... Она привстала, слегка пошатываясь, и Чарли вскочил, чтобы поддержать ее: "вам дурно, — спросил он, — не дать-ли вам чего нибудь выпить?"

"Нет... ничего... это пройдет на воздухе"....

"Вы торопитесь, — ласково спросил Чарли, желая загладить дурное впечатление, произведенное его советом.

"Да, я тороплюсь, хочу поехать к своей матери, говорят, что в тяжелые минуты жизни лучшие советы это материнские".

"Во всяком случае, Изабелла, как только вы что-нибудь решите, позвоните мне. Я буду ждать от вас весточки и вы всегда, как вы знаете, можете на меня расчитывать..."

Изабелла торопливо кивнула головой и вышла. Когда она доехала до особняка своих родителей, был почти час дня. Она застала свою мать в будуаре еще не одетой. Генриэтта Гильфорд была в грустном настроении, ежедневно ее муж убеждал ее помочь ему и продать свои бриллианты. Бриллианты еще поднялись в цене в тяжелые дни кризиса, когда бумаги и акции падали с быстротой молнии. Генриэтта начинала бояться, что в конце концов, ей придется расстаться со своими драгоценностями и она собиралась поговорить с дочерью и заставить ее попросить ее мужа поддержать отца. Приезд Изабеллы, как раз, совпал с ее желанием. Она посадила свою дочь в будуаре, где она решила завтракать и приказала лакею принести прибор.

“Ты, конечно, знаешь, дорогая моя, — заговорила мать, — что отец твой никогда не приезжает завтракать, мне так приятно, что ты приехала. Когда я не выезжаю, то мне всегда приходится завтракать одной. Ты сегодня бледная, Изабелла, что с тобой?” Изабелла ничего не ответила, она ждала выхода лакея, чтобы начать неприятный для нее разговор. Эти две женщины были очень похожи друг на друга, обе эгоистичные, обычно болтливые, сегодня они молчали — каждая думала про себя свою думу. Наконец, когда стол был накрыт, и лакей вышел, Изабелла закрыла дверь и решила сразу приступить к делу: “Мама, я хочу вам объявить новость, я беременна”. Мать радостно подняла голову. У нее было чувство, что отношения с мужем у Изабеллы обстоят нехорошо, а эта новость ее весьма обрадовала. Как это кстати, теперь, при ребенке, Эдди наверное не откажется поддержать своего тестя. Видя грустное выражение лица своей дочери, мать подумала, что Изабелла не желает длинной утомительной процедуры беременности. “Не грусти, Изабелла, — ве-

село воскликнула она, все женщины проходят это тяжелое время, ребенок еще больше сближает мужа с женой и дает женщине новые права. Поверь мне, что так будет лучше, в особенности с характером твоего мужа. Мне казалось, что у вас вообще не ладно, а ребенок снова восстановит вашу жизнь"... Изабелла внимательно слушала свою мать, опустив глаза. Тяжело ей было сознаваться матери, но нужно было решиться. Ей нужна помошь, а мать ее знает жизнь и даст ей хороший совет. "Мама, — перебила она свою мать, — простите, если я причиню вам горе — ребенок, которого я ожида не от моего мужа, а от Чарли Х. Я с мужем давно не живу, он вообще не любит меня".

Генриэтта побледнела и чугь не лишилась чувств. "Как-же это так, Изабелла, ты попала в нехорошую историю". Обе женщины тяжело замолчали. Мадам Гильфорд первая пришла в себя: "Да, но не все потеряно, Чарли Хендерсон, ведь очень богат и он, наверное, на тебе женится".

"Мама у меня сомнение насчет женитьбы Чарли, он вообще не создан для семейной жизни. Но дело не в этом — пока я получу развод, а потом нужно ждать еще девять месяцев до того, как выйти замуж. За это время ребенок успеет несколько раз родиться и скандал будет ужасный, а я боюсь этого скандала", — шопотом добавила она. Вся нежность, на которую была способна мадам Гильфорд, прилила к ее сердцу. Неужели ее прекрасная Изабелла, ее единственная дочь, ее маленькая девочка несчастна? Нет она не допустит этого! Подойдя к дочери, она крепко обняла ее и страстно поцеловала: "Слушай меня, Изабелла, у тебя другой выход, не может быть, чтобы тебя муж не любил, ты такая красавица, ты непременно должна попытаться снова войти в его жизнь и это тебе будет не труд-

но. У твоего мужа доброе сердце, ты на этом должна сыграть. Сейчас у твоего отца случилось несчастье, но быть может это несчастье поможет тебе и даст тебе возможность возобновить с твоим мужем хорошие отношения, он слишком благородный человек и не оставит тебя в такие тяжелые для нас всех минуты. Твой отец разорен; для продолжения нашей привычной жизни мне придется продать свои бриллианты, которые в сущности являются твоими. Раньше, чем решиться на это, я думала обратиться за помощью к тебе. Твой муж богатый человек, он не может отказать тебе помочь твоему отцу в такое тяжелое время..."

"Отец разорен? — удивленно спросила Изабелла, — как-же это случилось?"

"В Америке кризис сейчас, дорогая моя, много крахов кругом. Твой отец оказался не умнее других, да, мы окончательно и надолго разорены и сейчас дожи-ваем, может быть, последние дни в этом чудном особ-няке. Если я не продам драгоценности свои или же если твой муж не поможет нам, для нас все будет кон-ченено.

"Какой ужас, мама, неужели все так безнадежно?"

"Слушай Изабелла, — сказала шепотом мать, оглядываясь, как будто боясь, что кто-нибудь подслуша-ет, — ты вернешься к мужу, заплачешь, пококетничаешь с ним, расскажешь про твоего бедного отца, попро-сишь у него помощи. Если ему это будет неприятно, — делай вид, что ты не замечаешь. Постарайся остаться на ночь с ним, это для тебя не будет трудно, а потом у тебя родится преждевременно ребенок"...

Дочь слушала, затаив дыхание, какое счастье, что у нее такая умная и добрая мать. Да, единственный вы-ход из ее ужасного положения — это то, что советует сей мать. Она внутренне сразу повеселела. Да, как не

грустно разорение отца, не было-бы счастья, да несчастье помогло, это ей поможет выбраться из ее же собственного тяжелого положения и как это кстати. "Вы правы, мама, это единственный выход... мы так и решим".

"Ты придешь мне рассказать, как все обошлось, а теперь храни тайну и никогда, никогда никому не признавайся ни в чем. Самое главное — ни слова твоему стцу!"

"Но Чарли уже знает".

"Ну, да этот не проговорится! Ты не видайся с ним больше, потом, позднее, увидим, если хочешь, я поеду переговорить с ним, а теперь больше ни слова об этом".

ГЛАВА 11.

Эдди после долгих поисков, наконец, удалось попасть на вечерние медицинские курсы, которые посещала Анна. До этого он много раз поджидал ее у выхода и все не решался подойти к ней. Долго он не решался также пойти в университет, но в один прекрасный день, он, наконец, взял себя в руки и пошел послушать лекцию. Все ученики и ученицы были гораздо моложе его и ему странно было сесть с ними рядом на скамейке, вместе с тем он боялся, что здесь он увидит одного из своих учеников и тот удивится, что он слушает медицинскую лекцию. Он с жадностью всматривался в лица, ища Анну, но Анны нигде не было. "Она может быть сегодня, на его счастье, не приедет, — тоскливо подумал он, — может быть она больна или устала, или вообще решила сегодня пропустить?" Он тяжело вздохнул и старался слушать лекцию. Около него зашумело платье, сначала он не обратил внимания, но случайно повернув голову, он увидел Анну, сидящую рядом с ним. У него похолодели руки и он затянул дыхание. Ему хотелось во время лекции сразу заговорить с ней, боясь что потом будет поздно и она уйдет, но он сдержал себя. Как только лекция кончилась, он встал и поспешно кланяясь, сказал:

“Здравствуйте мадемуазель, надеюсь, вы узнаете меня?”

У Анны лицо слегка залилось румянцем. “Здравствуйте, — ответила она, — конечно я узнаю вас. Вы сын нашей клиентки, мадам Х.” — добавила она съ улыбкой, — я не знала, что вы посещаете медицинские курсы”.

“Меня интересует лекция этого молодого профессора, сознаюсь вам, что я сам преподаю философию в этом-же университете”.

Анна сразу почувствовала себя счастливой, усталость утомительного дня отошла: “вы профессор, — сказала она, — я никогда не подозревала этого, я думала, что вы богатый молодой человек, танцор и ухажор”. Эдди улыбнулся. “Надеюсь, что вы не разочарованы?..” Анна весело засмеялась. Она давно так не смеялась чуть-ли не съ времени болезни своей матери. Через несколько минут, профессор, читавший лекцию, вернулся и все замолкли. Молодые студенты внимательно слушали... Эдди и Анна слушали, ничего не понимая и не соображая. “Неужели этот красивый молодой человек, о котором она давно тайно мечтала, сидит рядом и разговаривает с ней?” — думала Анна. Ей хотелось повернуть голову, чтобы еще раз посмотреть на него, ей пришлось делать усилие над собой, чтобы сидеть прямо и делать вид, что она следит за лекцией. Перед ее глазами, как в калейдоскопе, проходил Ньюпорт, море и берег, где она в первый раз видела его, она тогда была несчастна, жизнь рисовалась перед ней в темных красках. Он был веселым или казался таким, окруженный толпой нарядных барышен и она даже не смела мечтать тогда о нем, а теперь он рядом с ней и кажется ей таким близким. Ей вдруг стало ясно, почему все молодые люди, которые ухаживали за ней, —

ей так безразличны, она тайно и давно ждала его и теперь он сидит рядом, он пришел! Она встяхнула головой, чтобы притти в себя и отогнать эти глупые мысли. Ведь она совершенно случайно — рядом с ним, они случайно лишь знакомы, а она предается каким-то несбыточным мечтам. Но она не могла устоять перед своим увлечением, ее дрожавшие губки улыбались, глаза сияли тем радостным, немного таинственным светом, который придавал столико очарования ее прекрасному лицу.

Когда лекция кончилась, Эдди повернулся к ней и сказал несовсем уверенным голосом: "Мисс Зилен, могу ли я предложить вам легкий ужин где-нибудь недалеко, я ужасно голоден. Буду счастлив, если вы составите мне компанию".

Анна с улыбкой кивнула головой. Они, молча, направились к выходу и сели в стоявший недалеко отъ входа автомобиль. Эдди торопливо открыл дверцу, приглашая Анну сесть, как будто боясь, что в последнюю минуту она передумает и уйдет. Они быстро доехали до ресторана. Мэтр д-отель узнав Эдди дал ему хороший стол, когда они уселись, не замечая никого кругом, Эдди сказал: "Я бесконечно вам благодарен, мисс Зилен, что вы согласились поехать со мной, этот вечер будет самым счастливым в моей жизни, — я никогда не забуду его":

Анна, ничего не отвечая, улыбалась, слегка побледневшая. Эдди продолжал: "Я очень редко бываю счастлив, несмотря на работу, которая меня интересует; личной жизни у меня нет. Я давно мечтаю о вас. Расскажите мне кое-что про вашу жизнь, лично про себя, про вашу семью, как вы сюда приехали, давно-ли вы здесь? Мне говорять, что вы русская".

"Да, я русская, моя жизнь не сложная. Я приехала сюда с моей матерью, работаю у Маршала, мечтаю

быть докторшей. Моя мать больна, мне нужно работать теперь за двоих".

Эдди стало больно, ему захотелось сказать ей, что теперь ей работать больше не нужно будет, что он любит ее, что он богат, что он сможет помочь ей продолжать образование, получить диплом, что он перевезет ее из ее скромной квартирки в чудный особняк с роскошным садом, устроит для нее лечебницу и предложит ей свою жизнь... Ему хотелось сказать ей, что он никогда никого не любил до нее и никого больше любить не будет и вдруг, как в тумане он вспомнил Изабеллу, вспомнил, что он женат. "Да, но он ничего не должен утаить от Анны, он должен сознаться, он должен сказать ей правду, потом он разведется... Она поймет его".

"Как это странно, — сказал он, — мнѣ кажется, что я знаком с вами десять лет, я даже не знаю вашего имени, меня зовут Эдуард, — сказал он, не ожидая от нее ответа, — а товарищи прозвали меня "Эдди". Я хотел-бы узнать ваше имя только от вас и потому никого другого не спросил".

"Меня зовут Анна, моя фамилия Зеленская. Я не Зилен, это в Америке переделали мою фамилию — это как будто легче звучит и больше по-американски".

"Анна Зеленская, — повторил Эдди, как это чудно звучит. Разрешите мне называть вас Анна, прошу вас, называйте меня Эдди".

"Да, я знаю, что в Америке это очень принято, — сказала Анна, улыбаясь, — называйте меня Анна, если вам это приятно".

"Анна, я хочу вам кое-что сказать. Когда я в первый раз увидел вас, это было давно, мне почему-то кажется, что я давно вас знаю, я всегда мечтал встретить вас и наверное всегда мечтал о вас, сам не отдавая се-

бе в этом отчета. Раздался гром оркестра, заставивший Эдди замолчал. Занавес открылся — молодая красивая певица запела модную любимую песенку нью-йоркцев. Все замолчали. Эдди охватило чувство необычайного счастья, он, молча, смотрел на Анну, любуясь ее очаровательным профилем, потом он вдруг испугался... “Нет, он не скажет ей, он не сможет сознаться, быть может она не захочет больше встречаться с ним, если она узнает, что он женат, может быть, она не поймет его намерения, подумает, что он легкомысленный и шаблонный, что он искал ее, как многие другие молодые люди Нью-Йорка, ухаживающие за красивым макенем. Нет, он не сможет решиться, он разведется сначала, потом он ей все расскажет, а пока он будет молчать!”

Когда занавес опустился, Анна повернулась к Эдди и сказала:

“Вы начали что-то мне говорить и не успели окончить...”

“Я больше не помню, Анна, единственное, что я хочу вам сказать, что я счастлив, бесконечно счастлив быть около вас и с вами!..”

Был час ночи, когда Эдди довез Анну домой. При прощании они условились встретиться в первый воскресный день (в другие дни Анна была занята). Эдди крепко и долго жал руку Анне, но не поцеловал ее, он простоял не двигаясь у своего автомобиля, хотя Анна давным давно исчезла из вида и весь дом был погружен в темноту. С тяжелым сердцем, как будто предчувствуя будущее, Эдди завел машину.

ГЛАВА 12.

Изабелла, приехав домой, долго сидела в своем будуаре, обдумывая свое положение и план действий. Она одела роскошный розовый пенюар, так красиво идущий к ее прекрасному лицу. Лицо у нее было побледневшее и ярко накрашенные губы, нарочно выделяли эту бледность. Несколько раз она звонила и спрашивала слугу, приехал ли Эдди, лакей, привыкший к разъединенной жизни господ, с удивлением отвечал, что Эдди еще не вернулся. Изабелла вошла в кабинет мужа и там стала ожидать его. Когда около двух часов ночи она услышала его шаги, у нее забилось сердце, она знала, что вся ее будущность зависит от этого визита. Она приняла грациозную позу. Когда Эдди открыл дверь, он слегка отступил, не ожидая встречи с Изабеллой.

Неприятное чувство овладело им при виде ее жены и заставило его остановиться на пороге. Сделав некоторое усилие над собой, он подошел ближе. “Чем я обязан вашему визиту?” — спросил он, стараясь придать насмешливый оттенок своему голосу, но у него сжалось сердце от тяжелого предчувствия.

“Эдди, мне нужно поговорить с вами, — сказала

Изабелла, — я очень несчастна, — томным голосом добавила она, — разденьтесь, сядьте и выслушайте меня".

"Вы несчастны, — сказал Эдди, садясь в кресло, и закурив папиросу. — Пожалуйста говорите скорее, потому что я устал и мне хочется спать". Изабелла разозлилась, ей захотелось встать и дать ему пощечину, но она сделала усилие над собой и сдержалась. Она опустила голову и ей хотелось плакать от злости. Сознание, что ей придется унизиться перед этим человеком, которого она не любит, привело ее еще в худшее состояние. Через минуту она плакала горькими слезами, громко, как ребенок. Эдди в отчаянии стоял около нее, не зная что предпринять.

"Изабелла, умоляю вас, успокойтесь, в чем дело? Перестаньте плакать"...

"Вы злы и жестоки со мной, — плакала Изабелла еще больше, — вы не любите меня. Я, ваша жена, пришла к вам в трудную минуту, а вы гоните меня!"

"Я не гоню вас, успокойтесь, расскажите, что вам нужно. Я сделаю все, что хотите, только не плачьте".

"Мой отец разорен, моя мать в отчаянии", — продолжала Изабелла, обливаясь слезами. У Эдди похолодели руки, все счастье, которым он был полон, все надежды на будущее покинули его. Ему стало страшно: он не сможет освободиться теперь от нее, теперь, когда ее отец разорен, все скажут, что он бросает ее, именно потому, что она обеднела. Горькое отчаяние охватило его, ему также захотелось плакать. Прощай все его мечты, ему придется остаться с этой женщиной, которую он ненавидит. Он сделал над собой усилие... — "Не хотите-ли вы воды?"

"Нет, дайте мне лучше стакан шампанского, я так устала, это придаст мне немного сил". Выйдя в комнату рядом, где стоял небольшой ледник, Эдди, как ав-

томат, открыл его, достал бутылку и два стакана. Ему вдруг захотелось напиться. Налив Изабелле бокал, он залпом выпил один бокал за другим, Изабелла все пла-кала: "Эдди, вы поможете отцу, не правда-ли, вы не оставите его в таком страшном положении". — "Нет, нет, я ему помогу", — говорил Эдди немного захмелевши, скоро он пошел за второй, потом за третьей бутылкой. Изабелла пила немного все время подливая Эдди. Через некоторое время, совершенно опьяневшего Изабелла повела его в спальню и уложила с собой, она была в восторге, предчувствуя желанный для себя результат.

Когда Эдди проснулся на другой день, было довольно поздно. Поднявшись, он с удивлением и омерзением в тоже время, увидел голую Изабеллу. У него голова болела, и он ничего не помнил со вчерашнего вечера. Каким образом эта женщина оказалась с ним на ночь... какая гадость, она противна ему. Он вспомнил историю ее отца и у него сделалось еще гаже на душе: да, он поможет, он вынужден помочь, но жить с Изабеллой интимной жизнью, он не желает это ни за что. Он быстро встал с постели. Изабелла давно проснулась, но при первом движении мужа, она притворилась, что спит крепким сном. Эдди торопливо перешел в ванную комнату и, освежившись, перешел в раздевальную, где лакей, хитро улыбаясь, помог ему одеться. Эдди все было противно и улыбка лакея и дом и Изабелла. В университете он был как во сне, чувство омерзения от проведенной ночи, все еще не покидало его! Ему было особенно трудно в этот день дожидаться воскресенья, чтобы увидеться с Анной.

Как только он закончил лекцию, он сейчас же поехал к магазину Маршал, там он долго поджидал выхода служащих. Увидев Анну, он просиял и, подъехав,

снял шляпу: “Поедем обедать, Анна, мне сегодня скучно на душе, — сказал он, — и я приехал за вами”. Они поехали в тот ресторан, где в первый раз провели незабвенный вечер.

Вернувшись поздно домой, он оставил письмо Изабелле: “Вчерашний вечер была ошибка — я не люблю вас. Отцу вашему я помогу, но с условием, что мы будем продолжать жить, как раньше, — каждый своей жизнью. Если вы хотите развода, то я вам дам его и возьму вину на себя”.

ГЛАВА 13.

Дни проходили, Изабелла получив письмо своего мужа, злобно и жестоко рассмеялась, но решила пока не отвечать. Эдди еще не знает, что ждет его впереди, — она добилась своего, а дальше ей безразлично. Ей захотелось видеть Чарли, но она сделала над собой усилие: “нет, не нужно, пока лучше подождать, она его увидит потом. Необходимо сначала, чтобы ребенок был признан Эдди. Она с торжеством посвятила мать в свою удачу. Казалось общая тайна еще больше сблизила мать и дочь. Благодаря помощи Эдди и старика Хольт, Гильфорд выбрался из тяжелого положения и мог дожидаться лучших дней. Программа Рузвельта и его окружающих дала новый толчок американской продукции. Девальвация доллара, которая сначала произвела тяжелое впечатление, дала Америке возможность по более дешевым ценам выбрасывать товары на иностранные рынки. Число безработных уменьшилось, деньги опять подешевели и жизнь вновь закипела и пошла, как и раньше, бешеным темпом. Опять появилось большое количество такси, шофферы, окрыленные надеждой заработка, снова мчались по Нью-Йорку, жуя свой “чунг гомм”; станки застучали и там, где за последние несколько лет все почти остановилось, работа

закипела с привычной американской жизнерадостностью и энергией. Артур Гильфорд заплатил свой долг и удержал свой банк, Генриэтта повеселела и снова стала тратить деньги, не считая. В начале весеннего сезона она дала большой обед и когда муж протестовал, она ему отвечала: "это я делаю для тебя, чтобы никто не подозревал, насколько у тебя дела были плохи". Артур терпеливо переносил дорогие капризы своей жены. За время кризиса он побледнел и постарел и несмотря на то, что его дела поправились и у него появились надежды на лучшее будущее, он не мог забыть кошмарные и тяжелые дни своего краха, он был бесконечно благодарен Эдди за его великодушный поступок и часто задавал жене вопрос, почему Эдди так редко бывает у них? Генриэтта всегда отвечала ему: "ты не понимаешь молодых людей, друг мой, им не весело со стариками". Она была невысокого мнения о своем муже и поражалась, что он не замечал до сих пор настоящих отношений его дочери с мужем и втайне она всегда немножко посмеивалась над близорукостью и непониманием своего мужа. Изабелла чувствовала себя все хуже и хуже, она перестала выезжать и трагедия жизни ее отца и многих других, проходила для нее незаметно. Она подурнела и скучала, единственным наслаждением ее были мечты о часе, когда она объявит Эдди, что она ждет ребенка. Она забросила знакомых и не принимала, чтобы знакомые не могли сказать, что она подурнела. К ней часто приезжал доктор и просиживал часами в ее будуаре, давая ей советы. Единственно кого она видела это свою приятельницу Христиану.

Через некоторое время Маргарита Фуллер должна была выйти замуж за Жана, бывшего жениха Изабеллы. В этот день Изабелла горько плакала не потому,

что она была влюблена в Жана, но мысль, что она несчастливо вышла замуж, сознание, что ее положение сложно, будущее еще сложнее, что, наконец, она будет не самая красивая на свадьбе Жана и что у нее слегка заострился нос, а в скором времени ей окончательно невозможно будет показываться, расстроила ее нервы. В этот день она в первый раз дала волю своим слезам, но посмотрев на себя в зеркало, она ужаснулась, глаза у нее раскраснелись и все лицо опухло. Нет это не годится. Энергично она привела в порядок свой туалет. Нужно терпение, конечно ей придется прожить тяжелые несколько месяцев, но зато потом она нагонит: она будет выезжать каждый вечер, веселиться, танцевать, она слишком молода и хороша собой, чтобы жить с этим книжным профессором, злобно подумала она. Эта мысль успокоила ее и она решила прилечь, чтобы немножко отдохнуть и выглядеть свежее. Свадьба Маргариты должна была быть через неделю, она закажет новое платье, чтобы скрыть пополневшую талию.

ГЛАВА 14.

Анна усердно работала, надеясь выдержать экзамен. Долгая и утомительная зима и наступившие неожиданно жаркие дни, утомили ее и она с наслаждением думала об отдыхе и о море, но сначала надо сдать экзамены и поступить на практические занятия в госпиталь, отдых тогда будет заслуженный. На курсах все любили Анну и относились к ней с уважением, почти все знали ее тяжелое положение и многие восхищались ее красотой, работоспособностью и энергией. Профессора всеми способами старались помочь ей.

Елизавета чувствовала себя неважно, нью-йоркская зима с холодным воздухом была ей вредна; доктор советовал ехать на юг, но для этого нужны большие деньги. Нужно подождать, когда Анна окончит университет, тогда все пойдет иначе. У Анны было тяжело на сердце и вместе с тем радостно. Эдди очень часто приезжал за ней к Маршалу и они обедали в маленьком очаровательном итальянском ресторане, где на столах стояли розовые лампочки и царил полумрак, потом он провожал ее в университет и оттуда — домой. Анна, благодаря этому не утомлялась и имела еще достаточно энергии, чтобы приняться за уроки. Она проводила весь день у Маршала, как во сне и думала о

моменте, когда она увидит Эдди. После тяжелого дня, она одевалась, как автомат, поджиная минуту, когда она встретится с ним и когда наступал желанный момент, она с замирающим сердцем садилась рядом с ним и тогда молчаливо, давая ход своему автомобилю, они мчались в итальянский квартал. Анна несколько раз надеялась, что, наконец, он скажет давно поджидающее слово, но проходили недели, потом месяцы, Эдди становился все более меланхоличным и желанного слова не говорил.

“Ты хорошо выглядишь,—сказала мать, когда Изабелла, заранее позвонив по телефону, пришла к ней позавтракать.—“Я так счастлива, что все благополучно, у твоего отца дела как будто налаживаются, он больше не просит моих бриллиантов. Может быть мы даже сможем открыть наш дом в Ньюпорте. А как-же твои дела с мужем?”

“Я почти не вижу его, мама, он все пропадает на верное в своем университете”.

“Тебе нужно переговорить с ним и сказать ему новость”.

Я собираюсь как раз сегодня послать ему записку, попросить свидания, я не хочу больше поджидать его в его кабинете, он так поздно всегда возвращается. Я поручу лакею передать ему записку. Я пришла к вам за совсем другим советом: пойти-ли мне на свадьбу Жана?”

“Конечно, пойди, тебе нужно делать вид, что ты счастливая жена и в будущем счастливая мать.” “Тогда поедем заказать платье на свадьбу, на мне все узко”. Мать улыбнулась. Они сидели в голубом будуаре, который любила Изабелла — все здесь было красиво и уютно, стены были обиты голубой шелковой материей и таким же под цвет габардином, на столиках стояли

цветы в вазах, горячее майское солнце заливало комнату. Изабелла выпивала кофэ.

“Сейчас позвоню, чтобы подали машину, — сказала мадам Гильфорд, звоня горничной. — Если все на тебе узко, то нужно делать все новое. Поедем к “Жозефине” там ты найдешь самые красивые платья и вообще тратить как можно больше, пользуйся тем, что твой муж такой щедрый”.

Через несколько минут в роскошном автомобиле мать и дочь помчались по Парк Авеню и подъехали к одной из самых модных портних.

Весной 1968 года жара стояла в Нью-Йорке тяжелая, в магазине Маршал, несмотря на многочисленные электрические веера, было тяжело дышать. Все богатые люди спешно уезжали на дачи, но рабочий люд оставался, как всегда, в Нью-Йорке. В рабочих кварталах люди выносили постели на крыши и лежали, мечтая о ветерке. В учреждениях большинство служащих снимали пиджаки и работали с засученными рукавами. Елизавета труднее, чем обыкновенно, переносила жару, она тяжело дышала и мечтала уехать в Ньюпорт, куда ее вызывала добрая мадам Дюпэр, но ей не хотелось оставлять свою дочь одну и она долго отказывалась, пока, наконец, Анна не взяла инициативу энергично в свои руки и не увезла свою мать.

Оставшись одна, несмотря на жару и усталость, Анна продолжала готовиться к экзаменам.

В этом году Изабелла собиралась ехать в Ньюпорт раньше обычного. Свадьба Маргариты была торжественно отпразднована и молодые уезжали в Европу. Изабелла присутствовала как в церкви, так и на приеме в своем роскошном новом платье и большой черной шляпе, бросавшей тень на ее немного утомленное лицо, но она была попрежнему очень красива, и, каза-

лось, утомление придавало какую-то новую прелесть ее лицу. Чарли, стоявший рядом с ней, не мог достаточно налюбоваться ею — ему давно надоела его новая любовница, кинематографическая артистка, вульгарная Стелла Хатьфорд, ищущая богатых людей и требующая все больше и больше денег. Во время церемонии Чарли нашептывал все время самые сладкие слова на ухо Изабелле, что вызывало у нее ласковую улыбку. Он говорил ей, что он давно не видел ее, скучился по ней и они условились вновь встретиться в Ньюпорте. Но до своего отъезда в Ньюпорт Изабелла решила поговорить с мужем. На этот раз она не пошла к нему в кабинет, а подождала у себя его прихода. Позвонив лакею, обыкновенно поджидавшему прихода Эдди, она дала ему приказание уведомить ее как только Эдди возвратится. В половине двенадцатого лакей постучался к Изабелле. Она была в том же своем розором пенюаре, в котором она вошла к Эдди в тот самый знаменательный день.

“Пожалуйста попросите г. Хольта ко мне, — сказала она лакею, — скажите, что я жду его у себя”.

Через несколько минут Эдди, предупрежденный лакеем, с недоумевающим, но вежливым видом, постучался к своей жене. Он только что вернулся из театра, проводив Анну и у него, как всегда, когда он расставался с ней, было плохое настроение и недовольство собой, своей судьбой и ненависть к жене.

Изабелла полулежала на кушетке своего будуара, розовый пенюар бросал оттенок на ее красивое лицо, придавая ему еще более нежный цвет, но Эдди не замечал этого.

“Вам что-нибудь нужно? — спросил он, еле переступая порог, — мне лакей сказал, что вы меня спрашивали”...

“Да, видите Эдди, мне нужно очень серьезно поговорить с вами, садитесь поближе ко мне, я немного устала”, — лукаво добавила она, хотя в розовом освещении будуара эта усталость не была заметна. Нетерпеливым жестом Эдди взял кресло и пододвинул к жене.

“Я слушаю вас, — сказал он, вынимая платок и вытирая лицо. Изабелла с минуту помолчала, обдумывая каким образом произвести наибольший эффект своим рассказом и, наконец, улыбнувшись, она сказала: “Эдди, я знаю, что вы не любите меня, а только терпите и поэтому мне сегодня особенно тяжело сказать вам то, что необходимо, чтобы вы знали”. Она немножко помолчала и бросила взгляд на его лицо. Лицо Эдди было пасмурно, ни один мускул не дрогнул. Стараясь придать своему лицу грустное выражение, Изабелла продолжала.

“Эдди, мы могли бы быть счастливы, но вы этого не захотели...” Эдди продолжал молчать, спрашивая себя куда она ведет.

“Я очень несчастна особенно теперь без вашей любви”, подчеркнула она, потом, опустив глаза, как будто решаясь на тяжелый шаг, она добавила: “я жду ребенка”. Эдди сначала не понял: “вы ждете чего?” — переспросил он. “Я жду ребенка”, — настойчиво и уже громко повторила Изабелла. Эдди почувствовал себя дурно, он ухватился за свое кресло, чтобы не упасть, у него зашумело в голове и бледный, как смерть, он посмотрел на эту разодетую женщину.

“Но я не понимаю вас, — сказал он дрожащими губами с напряжением выдавливая звуки, — какое это может иметь отношение ко мне, ведь мы давно не живем вместе?” У Изабеллы зло и презрительно зажглись глаза: “но вы забыли, Эдди, тот вечер, когда я пришла

к вам?"... У Эдди сердце замерло. В комнате было так тихо, что было ясно слышно тиканье часов на камине. Эдди продолжал сидеть не двигаясь, казалось, он боялся движения. Первая прервала молчание Изабелла:

"Обыкновенно, когда жены говорят своим мужьям про счастливое событие, мужья их целуют, обнимают, поздравляют, а вы что делаете? Вы сидите, как приговоренный к смерти, как будто я объявию вам про смерть любимого человека, а не про радость и рождение ребенка".

Эдди продолжал молчать. Да, он, действительно, приговорен к смерти, что будет с ним? Он тяжело поднялся со стула. Ему нужно было время, чтобы обдумать все это. "Теперь поздно, — сказал он, — вы на верное устали и я так же. Спокойной ночи". И не оглядываясь, как автомат, он вышел из будуара, когда он вошел в кабинет к себе, тупое отчаяние овладело им. Он расплакался. Он испытывал в этот момент чувство, которое переживал в детстве, ожидая, что вот дверь откроется и войдет его нарядная мать и крепко обняв его, прижмет к сердцу, обдаст горячими поцелуями и произнесет с ним вечернюю молитву, которую обыкновенно повторяла с ним его гувернантка, мисс Стюарт. Но дверь не открывалась и мать не приходила. Утомленный, с лицом мокрым от слез и разочарованный, он засыпал... Теперь вся его одинокая жизнь проходила перед ним, как в калейдоскопе, мать слишком занятая собой и приемами, а теперь эта женщина... Сидя около стола, он заснул от усталости, не раздеваясь, забыв погасить электричество.

ГЛАВА 15.

Елизавета чувствовала себя все хуже и хуже, несмотря на огдых и хороший воздух в Ньюпорте. Она угасала. Последнее время она стала кашлять кровью. Она всячески скрывала это от Анны, но молодой доктор приходивший с визитом к ней, ужаснулся и, несмотря на запрет, спешно вызвал Анну. Он сам поехал встречать Анну на вокзал и как только Анна сошла с поезда и увидела его, она испугалась: "моей матери плохо?" — тоскливо спросила она.

"Вы знаете, мисс Зилен, я давно к вам приглядываюсь, и я заметил, что вы обладаете этим необычайным качеством, таким нужным в тяжелые минуты жизни, которое мы называем мужеством. Вот это мужество вам сейчас понадобится в большом количестве". Анна побледнела, у нее от ужаса расширились глаза, ей захотелось плакать, но она сдержалась. "Ваша мать опасно больна. Боюсь, что она долго не выдержат", — сказал доктор.

"Сколько времени еще проживет моя мать?" — спросила Анна тоскливым голосом почти шепотом. "Месяца три, — ответил доктор, — но наверное сказать я вам не могу, я не Бог. У вашей матери много жизненных сил, может быть она проживет дольше. Я не пре-

дупредил вашу мать о вашем приезде. Вы придумайте заранее какой-нибудь предлог вашего приезда, иначе вы ее испугаете. Вообще не говорите ей, что вы меня видели".

Когда Анна, в сопровождении доктора, дошла до гостиницы, у нее ослабли ноги и ей пришлось присесть раньше, чем подняться к матери. Она простилась с доктором, горячо поблагодарив его и постучалась к матери, она нашла мать лежащей на диване. Вид усталого и измученного лица, поразил Анну. Не давая матери время притти в себя, она подбежала к ее дивану. "Дорогая, я приехала отдохнуть на лето, нас отпустили раньше, почти нет клиентов у Маршала — все клиенты разъехались. Я рада быть, наконец, с тобой".

"А как же экзамены?" — спросила мать, целуя ее.

"Я отсюда поеду сдавать последний экзамен, я почти все закончила. "Ах, как я рада, дорогая моя, — сказала мать, — сознаюсь, что я без тебя скучала". Анна, смеясь, старалась сдерживать слезы.

"Я сейчас встану и помогу тебе разложить вещи".

"Господь с тобой, — сказала Анна, — я привезла очень мало вещей, я привезу остальные, когда поеду на экзамены, я так торопилась увидеть тебя. Когда я узнала, что нас отпускают, я решила сразу же прискать к тебе. Я не хотела тратить дорогое время на упаковку.

Казалось присутствие Анны оживляющим образом подействовало на Елизавету. По следующие дни она вставала и выходила к столу, даже гуляла, но это поднятие духа продолжалось недолго, вскоре она опять слегла. Анна ни на минуту не отходила от матери, она послала телеграмму Маршалу, предупредив, что она не вернется раньше осени. На другой день она написала

Эдди, предупредив его о болезни матери и об ее отъезде.

Эдди переживал тяжелые минуты. После знаменательного объяснения он всячески избегал встречи со своей женой, просиживая вечерами в своем кабинете, не желая никого видеть, даже забросил Анну и перестал звонить к ней. Мысль, что Изабелла ждет от него ребенка бесконечно мучила его и казалось, у него увеличилось к жене, вместо жалости и любви, чувство ненависти и презрения. Да, но что он скажет Анне, как он объяснит ей? Какой ужас, он ни в чем не виноват, это все произошло, как во сне, он вообще об этом ничего не помнит, сам не знает, как это произошло... Но почему он раньше не сознался Анне, что он женат, боялся сказать ей правду, а теперь ко всему этому ужасу привилось еще это омерзение...

Когда он получил письмо от Анны, что она уехала, он облегченно вздохнул; ему хотелось быть одному и никого не видеть, ни с кем не разговаривать, никому ничего не объяснять. Ему хотелось все обдумать притти в себя, но чем больше он думал, тем безвыходнее ему казалось его положение. Он перестал спать и беспрестанно шагал, постаревший и усталый, по своему кабинету, не выходя к столу. Он посыпал сказать жене, что он болен и вместе с тем посыпал ей часто лакея с записками, в которых он убеждал ее ни в каком случае к нему не входить, говорил, что вообще для беременной женщины плохо бывать у больных и казалось отчаянию его не было предела.

Елизавета умерла в жаркий августовский день, когда солнце ярко светило и птички наполняли своим

веселым чириканьем сад, куда выходили окна ее комнаты. За несколько дней до смерти ее сознание подсказывало ей, что жизнь ее прошла пусто и бесцветно. У нее появилось вдруг жгучее желание увидеть родину, хотя бы только на миг, ей хотелось бороться с болезнью, выздороветь, уехать, вернуться в свое имение, где она выросла и не умереть в этой чужой для нее стране. Ей захотелось еще раз погулять на Крещатике в Киеве, обойти церкви, как она это часто делала со своей нянькой, когда она приезжала в Киев за покупками, кататься на коньках в Таврическом саду в Петербурге, куда она приезжала с матерью. Она опять увидела себя маленькой в деревне с родителями, счастливой и балованной. Глаза ее наполнялись слезами, которые тихо стекали по лицу, она приподнималась, протягивала руки к дочери, следившей за малейшим движением матери. “Анна обещай, что мы вернемся в Россию. Я выздоровлю, я так мечтаю увидеть еще раз родину”...

“Конечно, мама дорогая, — отвечала Анна упавшим голосом, — только скорее выздоравливай, обещаю тебе непременно”...

Елизавета счастливо улыбалась и закрывала глаза. Она ясно видела перед собой церковь, в которой она венчалась с Петром, она была тогда в белом платье. Петр стоял и ожидал ее, протянув руки. Потом зазвучал “Исаия ликуй”, и она пошла навстречу ему...

Доктор, стоявший рядом и следивший за лицом Елизаветы, сжал руку Анне. По крепкому пожатию руки Анна поняла, что все кончено и со страшным отчаянным криком она бросилась на тело дорогой своей матери. Доктору было мучительно тяжело видеть Анну. Он знал одиночество двух женщин и мужество, с которым обе боролись за существование. Он давно был влюблен в Анну, но знал, что Анна любит другого.

С большим трудом ему удалось оторвать девушку от холодного тела матери; он решил провести всю ночь у тела Елизаветы, чтобы не оставлять Анну одну и только утром ему удалось уговорить ее уйти на несколько минут в свою комнату. “Я вас умоляю, уйдите к себе, мне нужно заняться разными формальностями, и я не хочу вас оставлять одну. Скажите, мне Анна есть ли у вас какие-нибудь родственники?” Этот вопрос привел Анну в еще большее состояние отчаяния. Да, она теперь совсем, совсем одинока. “Нет у нас никого из родственников и очень мало друзей. Мать моя православная, и я хотела бы похоронить ее по православному обряду. В Нью-Йорке есть русская церковь, и я хочу повезти ее туда”, — сказала Анна, заливаясь слезами.

“Я вам помогу во всем, идите, умоляю вас, отдохните, оставьте меня заняться всем”. С большим трудом ему удалось увести Анну в свою комнату. У дверей она обернулась и сказала: У нас есть друг в Нью-Йорке Эдуард Холт — 1957, Парк Авеню”. Доктор Жансон посмотрел на нее: “я непременно ему позвоню по телефону, — сказал он, — а теперь идите”. Доктор вышел, чтобы предупредить хозяйку гостиницы, хозяйка уже знала и очень взволнованно встретила его: “У нас сейчас сезон”, — сказала она, — если клиенты узнают, что в доме умер человек, они разъедутся, я вообще никогда не принимаю больных, это было исключение. Прислуга вся уже знает, а вы знаете какая она болтливая”.

“Я понимаю ваше положение, мадам Дюпрэ, — сказал он, — я постараюсь ночью вывезти тело в Нью-Йорк, в Русскую церковь, только пожалуйста дочери ничего не говорите об этом”.

Мадам Дюпрэ кивнула головой в знак согласия. Доктор поспешил позвонить в Нью-Йорк в церковь и, условившись обо всем, позвонил Холту по телефону.

Было рано утром, Эдди всю ночь не спал и только под утро слегка задремал. Телефон заставил его выругаться. Он взял трубку, желая сделать замечание телефонистке, но когда узнал, что ему звонят из Ньюпорта, он торопливо попросил, чтобы его соединили.

Говорит доктор Жансон от имени мисс Зилен, — услышал он холодный голос, — я хочу предупредить вас, что мадам Зилен, мать Анны, умерла ночью".

"Я сейчас выезжаю, — сказал Эдди, — прошу нас не оставлять Анну. Благодарю вас, что позвонили, закажите лучший гроб, я за все плачу, не жалейте денег. Благодарю за все еще раз", — повторил он и повесил трубку. Через полчаса Эдди прилетел на авионе в Ньюпорт.

Анна пробыла в своей комнате недолго, она не могла ни сидеть, ни лежать, все тело ее билось в лихорадке несмотря на летний день, она освежила холодной водой лицо и вернулась назад в комнату своей матери. Доктор, вернувшись застал ее сидящей около постели и не сводящей глаз с покойницы. Шепотом она сказала: "доктор пожалуйста, оставьте меня одну". Доктор молча, вышел из комнаты. Анна с глубокой печалью смотрела на мертвое лицо своей матери, как будто желая навеки запечатлеть его. Лицо Елизаветы было спокойное, тихое и немного синего цвета, но постепенно принимало все более темно-желтый оттенок, казалось лицо менялось каждую минуту, почти секунду и скоро оно стало походить на маленькую востковую куклу, все тело как-то странно уменьшилось и казалось беспомощным и как будто засохшим. Горячее солнце через открытые окна и занавески заливало комнату и ярко освещало мертвое лицо. Анна сидела не двигаясь и горькие слезы катились по ее лицу. Доктор несколько раз порывался войти в комнату, но Анна не двигалась,

казалось, что ее горе возрастало с сознанием, что ее дорогая мать не откроет больше глаз, что Анна больше ее не увидит, что скоро ее унесут, и она останется одна, совсем одна... Слезы бежали все сильнее и сильнее по ее лицу, потом, с горьким плачем она бросилась на тепло, как будто желая этим криком протестовать против жестокости судьбы. Доктор, стоявший у двери и услышавший крик, бросился к ней. Анна билась в истерике. В эту минуту открылась дверь и Эдди вбежал в комнату.

Елизавету похоронили в Нью-Йорке в русской церкви, где устроили временный склеп. Анна помнила обещание, данное ею матери и надеялась, что быть может, у нее когда-нибудь будет возможность увезти тело в Россию. Эдди занялся всеми формальностями. Магазин Маршал прислал от всех служащих роскошные венки и очень многие из служащих сами приехали на похороны. Все были поражены красотой и великолением православной службы и чудным пением. В магазине Маршал долго говорили о красивых похоронах. Анна страстно горевала по матери и только присутствие Эдди придавало ей энергию еще реагировать на окружавшую ее жизнь.

ГЛАВА 16.

Эдди старался всячески развлекать Анну. Он заезжал каждый день, уговаривал ее ехать с ним в ресторан или в театр и в течение всех этих дней после смерти матери Анны, почти не оставлял ее. Утром он звонил к ней по телефону, узнавал о ее здоровье, засыпал ее подарками, цветами, как будто желая этим задобрить ее и заставить забыть его тяжелые перед ней грехи, ноказалось, Анна реагировала на все это равнодушно. Правда, она выезжала с ним, ласково отвечала по телефону, когда он звонил к ней, благодарила его за подарки, но той веселой, жизнерадостной, энергичной Анны, как будто больше не было. Лицо ее принимало все более грустное выражение, а глаза с недоумением смотрели на окружающее.

Молодой ньюпортский доктор часто приезжал на визит ее и первое время привозил с собой милую сестру милосердия, которая ухаживала за Анной, как за ребенком. Доктор условился с Эдди не оставлять Анну ни на минуту одну. Она похудела и побледнела, но казалось, что грустное выражение глаз придавало еще больше очарования ее прекрасному лицу. Она чувствовала себя все более и более одинокой, несмотря на присутствие Эдди; у нее почти не было друзей — толь-

ко несколько русских эмигрантов и американцев, служащих у Маршала. Мать и дочь всегда жили одиноко и довольствовались друг другом. У Анны почти не было приятельниц ее возраста; молодая ее мать заменяла ей в течение всех этих лет приятельниц и товарищей. Анна часами просиживала в комнате матери, трогая бесчисленное количество раз ее вещи, фотографии, перечитывая старые, пожелтевшие от времени русские письма бабушки Анны, матери Елизаветы, письма отца Анны. От всех этих писем на Анну повеяло смутными воспоминаниями о России и о Токио.

Доктор, как-то приехавший навестить ее, нашел ее бледной и усталой. "Вам непременно нужен воздух, Анна, у вас чудная цель в жизни — быть доктором, лечить, вылечивать, утешать, но для этого вам нужны силы, вы так ослабли, что скоро сами заболеете. Обещайте мне взять себя в руки, у вас ведь очень много силы воли, Анна, и вы молоды, вы сможете быть так полезны. Обещайте постараться преодолеть ваше горе, иначе я не уйду". Анна в первый раз после смерти матери улыбнулась: "Вы правы, доктор, вы так добры, я никогда не забуду всего того, что вы делаете для меня и всего, что вы уже сделали, я обещаю вам постараться взять себя в руки, вы правы, мне нужно опять приняться за работу".

Этот день, казалось, был решающим днем для Анны, нужно было думать о будущем и снова приняться за дело. Делая подсчет своим деньгам, она увидела, что у нее еле хватит их до конца экзаменов, которые ей нужно было сдать. Молодость скоро взяла свое: она окрепла и блестяще сдала экзамены. Через некоторое время она поступила в детскую больницу на практику.

Несмотря на то, что у Изабеллы были преждевременные роды, она родила в ноябре крепкую, толстую и красивую девочку. Когда сообщили Эдди, что у него родилась дочь, был уже час ночи и он только что вернулся из театра, куда он поехал с Анной. Поджидающая его теца с презрением, при лакее, сказала ему: "Боже мой, вы могли-бы хотя в день родов вашей жены быть дома. Поздравляю вас с дочерью. Изабелла вас ждет, пойдите к ней".

Эдди, покрасневший, чувствуя себя немного виноватым, вошел к жене. Изабелла, утопающая в кружевах и улыбающаяся, протянула ему руку. Рядом с ней в постельке лежало красное сморщенное существо: "Поцелуйте вашу дочь Эдди, — томным голосом сказала Изабелла. Эдди нагнулся и коснулся губами лица ребенка.

"Поцелуйте меня, — сказала Изабелла.

Эдди нагнулся и поцеловал жену в лоб. Вся комната была заставлена громадными корзинами и букетами цветов.

"Ваша дочь родилась в одиннадцать часов утра сегодня, — сказала шопотом мадам Гильфорд, — вас искали по всему городу, теперь час ночи, мы все поджидали вас, чтобы сообщить вам эту новость, которую знает весь город, кроме вас — отца".

"Я был вне города, — смущенно пробормотал Эдди, — Вы хорошо себя чувствуете, Изабелла?"

"Роды были тяжелые, — сказала мадам Гильфорд, — но сейчас все слава Богу! А теперь вам нужно оставить Изабеллу, ей нужен отдых. Пожалуйста уходите".

Эдди неуклюже поднялся, еще раз поцеловав Изабеллу в лоб, тяжелым шагом вышел из комнаты жены. Войдя в свой кабинет, он разделся, одел халат и

сел в кресло. Его охватило отчаяние, как в тот день, когда он узнал, что жена его ждет ребенка. Он долго сидел раздумывая. Чувство ненависти к жене и к теще в нем еще усилилось. О ребенке он не думал, все это казалось ему странным и не реальным. Ему стало вдруг страшно: "А если Анна узнает", — подумал он. Он давно понял по печальным взглядам Анны, что она не понимает его, что она ждет, чтобы он, наконец, высказался. Ему вспомнился молодой доктор. Чутьем влюбленного он давно понял, что доктор любит Анну. Он вспомнил презрительные взгляды молодого доктора: "Наверное, он знает, что Эдди женат и презирает его за его двойную жизнь". Но что делать? Как объяснить Анне? Нет! Он не в состоянии будет ей сказать... Ему вдруг захотелось услышать голос Анны. Несмотря на поздний час, он взял трубку и позвонил ей. Услышав ее голос, он успокоился.

"Анна, — сказал он, — я люблю вас горячей любовью, вы первая моя и единственная любовь, я никого никогда не любил и не полюблю. Что-бы ни случилось с нами в жизни, как бы жизнь не сложилась для нас, вместе или отдельно, что-бы вам ни казалось, что-бы вы ни услышали, ни узнали, я прошу вас помнить только это: я люблю вас и только вас и навсегда".

Анна с недоумением слушала, у нее сжалось сердце, как будто от тяжелого предчувствия.

"Хорошо, Эдди, — ответила она, желая его успокоить, — я это запомню".

"А теперь спите спокойно, — сказал Эдди и повесил трубку.

В эту ночь Анна долго лежала с открытыми глазами и обдумывала все, что сказал ей Эдди. Черные

мысли кружились у нее в голове и только под утро она немножко заснула.

Анна горячо принялась за работу в госпитале, она специализировалась на детских болезнях и ухаживала за ними со всей страстной любовью, на которую была способна ее натура.

Госпиталь, в котором она работала, был в бедном рабочем квартале Нью-Йорка, большинство пациентов были рабочие, было среди них и много безработных. Тяжелый кризис, хотя и в уменьшенном виде в Соединенных Штатах продолжался и захватывал, главным образом, большие города. Рузвельт со всей энергией, свойственной его выдающейся натуре, всячески боролся с этим, он окружил себя достойными сотрудниками, с которыми он советовался в каждом своем новом предприятии, несмотря на критическое отношение к нему крупных капиталистов, он открыл займы крестьянству, давая ему возможность закупать новые машины для обработки земли. Благодаря этому, фабрики стали больше работать и выделять нужные машины и автомобили, которые закупали эти же крестьяне. Но, несмотря на это, количество безработных уменьшалось не на много, выдаваемые безработным пособия были недостаточны для того, чтобы прокормить большие семьи, где отец и сыновья часто вместе были без работы и обивали пороги контор и фабрик, на дверях которых все чаще и чаще появлялись записи: "Не нанимают".

Анна горячо принимала к сердцу положение своих пациентов. Дети бледные и истощенные от недостатка питания, заболевали, и часто не имея достаточно сил,

чтобы бороться с болезнями, умирали. Когда у Анны умирал больной ребенок, она приходила в отчаяние. Выезжая с Эдди, она говорила ему:

“Я не понимаю человечество, как можем мы жить, имея избыток еды, когда у миллионов детей нет достаточного питания”.

Анна перезнакомилась со всеми своими пациентами, особенно она подружилась с семьей одних польских эмигрантов — Опальских, где она спасла четырехлетнюю девочку. Эта семья жила десять лет в Соединенных Штатах, сначала все шло хорошо, но настушили тяжелые минуты кризиса — у отца за последние три года не было постоянного заработка. Это были хорошие, скромные труженики — отец, мать, два сына и маленькая девочка. Дети все родились в Америке; старшие мальчики ходили в школу, мать работала тяжело с утра и до ночи и выглядела гораздо старше своих тридцати лет, а между тем, лишь десять лет тому назад она приехала румянной, свежей, молодой женщиной вместе со своим мужем, надеясь найти в этой необычайной заколдованный Америке, куда доступ был так труден, хорошие условия жизни и чуть ли не горы золота. Сначала они собирались ехать далеко в центральную часть Соединенных Штатов, но другие поляки, с которыми они познакомились на пароходе, в особенности чета Косинковских, отговорили их.

Иммигранты перевозились в Америку в ужасных условиях, целыми днями сидя на нарах в трюме, они советовались между собой. Большинство этих людей приехало на последние сбережения, продав мебель. единственное имущество, состоявшее из постели, стола и стульев, другие не имевшие даже этого и продав случайню золотую цепочку, унаследованную еще от прародителей, последнюю реликвию целой семьи, ищу-

шней лучшей жизни и немного счастья. Были тут поляки, венгерцы, чехи, словаики, евреи — все жаждали лучшей жизни. В переполненных поездах, со всех концов Европы, все эти люди прибывали в порты, где иммигрантские американские учреждения заставляли их пройти карантин, а затем, как скот, их спускали в трюм, где на нарах, без воздуха, многие больные морской болезнью, терпеливо переносили длинную поездку на медленных пароходах, ожидая обетованной земли.

Опальские, оба молодые, полные сил легко переносили тяжелый путь. У многих иммигрантов были родственники в Америке, таким иммигрантам доступ в Америку был упрощен; они чувствовали себя менее потерянными, зная, что их ждет помочь. Косинковские горячо убеждали Опальских остаться в Нью-Йорке. У Опальских вместе с надеждой было смешанное чувство страха и боязни большого города и одиночества. Они, как большинство иммигрантов, были из деревень или маленьких городков. У Косинковских, с которыми они подружились на пароходе был дядя в Нью-Йорке, этот же дядя выслал билеты и молодая чета поженилась перед самым отъездом. Только за день до прибытия в Нью-Йорк Опальские решили остаться в Нью-Йорке. Тяжелый переезд скрепил дружбу с Косинковскими, которая должна была затем продолжаться всю жизнь. Благодаря этой дружбе жизнь Опальских устроилась лучше, чем у других. Дядя Косинковских, старый поляк, с трудом говоривший по-английски, был давно американским подданным, знал все ходы и был знаком со всей польской колонией Нью-Йорка. Опальский скоро нашел работу и квартиру, Елена родила одного за другим двух мальчиков и почти одновременно с Вандой Косинковской, что еще больше сблизило их. У старики

кормились почти все поляки приезжавшие в Нью-Йорк и мечтавшие поесть знакомые родные блюда. Молодые помогали дяде, который сколотил небольшой капиталец и мечтал передать им дело в блестящем виде. По совету дяди молодые Косинковские заполнили первые бумаги, нужные иммигрантам, желающим натурализоваться; оба быстро научились говорить по-английски. Дети, родившиеся в Америке, были настоящими американцами и с трудом понимали по-польски. Часто, в чистой квартире, сидя около радио и вспоминая тяжелое, почти голодное детство, Ванда тихо пожимала руку своего мужа. Они выписали свою мать, отца и у того, ни у другого не было в живых. Иначе жизнь сложилась у Опальских, Стефан поступил на фабрику и первое время Лена работала прислугой в доме богатых американцев, ею были очень довольны, так как она была старательна и прилежна. В Нью-Йорке хорошую прислугу было трудно найти. В большинстве случаев женщины предпочитали работу на фабриках или другие занятия и поэтому хозяева ее особенно ценили, но Елена скоро забеременела первым, а затем вторым ребенком. Ей пришлось покинуть свое место. Стефан хорошо работал, заработка его увеличивался, скоро Елена стала ждать третьего ребенка. Казалось, все шло хорошо и вдруг кризис, как гром ударили этих несчастных людей. Фабрика, на которой работал Стефан, стала увольнять служащих. Сначала рассчитали иностранцев, не принадлежащих к американским синдикатам. Стефан понятия не имел о синдикатах и только тогда понял их значение, когда ему отказали в работе. Он тогда поспешил записаться и внести туда почти последние свои гроши, но было уже поздно, кризис становился все более и более острым. Фабрики стали отказывать также и американцам и синдикалистам.

Многие фабрики совсем закрылись. Для Опальских начали тяжелые дни, пришлось отдать назад швейную машину, которую они взяли на прокат, так как они не могли выплачивать за нее и аппарат радио, доставлявший им столько удовольствия и развлечения. Стефан с утра до вечера искал работы, он обегал все фабрики, все конторы, обивал пороги и его сапоги скоро совсем износились, но работы не было. Он иногда немного помогал Косинковским в ресторане, но кризис захватил все отрасли промышленности страны. У Косинковского в ресторане значительно уменьшилось количество клиентов и, в конце концов, им пришлось отказаться от помощи Стефана. Опальские стали жить на паек, который выдавали безработным. Елена становилось страшно, ее последний ребенок, девочка Ванда, она назвала ее так в честь своей приятельницы, родилась в последний хороший год еще в хороших условиях, когда в их маленькой квартирке большого каменного дома рабочего квартала Нью-Йрка, было еще отрадно жить... Елена держала в большом порядке свой дом. В столовой, служившей им также гостиной, было два окна, на них всегда стояли цветы в горшках, на столе большая вышитая скатерть блестала белизной, на камине красовались забавные часы с кукушкой, два большие удобные кресла, качалка, и радио вносили жизнь и уют. У них были две спальни, ванная, удобная кухня с большой газовой плитой и с ледником, о котором в Европе Елена даже и не снилось, но все это ложилось тяжестью, когда наступила безработица и когда нужно было ежемесячно выплачивать. Когда заболела маленькая Ванда, отчаянию родителей не было предела. Стефан обожал свою единственную дочь, он очень гордился своими мальчиками, росшими настоящими американцами, великолепно учившимися, но Ванда была ближе всех

ему. Сам, не отдавая себе в этом отчета, он предпочитал свою дочь, как это часто бывает с отцами. Сначала Ванду лечили дома, не желая отдавать ее в госпиталь. У Опальских, как у многих европейцев, была ненависть и нежелание идти в госпиталя, где для бедных условия были самые жестокие и большинство умирало. У Елены оставались страшные воспоминания о госпиталях в родной Польше. Долго молодой доктор из поляков уговаривал ее и объяснял ей, что в Америке иначе, что человеческая жизнь ценна, в особенности молодая жизнь и что для детей условия самые лучшие. Елена никак не могла решиться и только видя, что ее девочка, после долгих усилий не поправляется, она, скрепя сердце, решилась сама отнести свою дочь и со слезами на глазах оставить ее в госпитале. Маленькая Ванда очутилась в отделении Анны.

Анна в тяжелой работе и страстной борьбе со смертью, старалась забыть горе и тоску по матери, а также неудовлетворенность личной жизнью.

После знаменательного разговора с Эдди по телефону она стала отдавать себе отчет в том, что Эдди что-то от нее скрывает. Она часто задавала себе вопрос отчего Эдди не делает ей предложения и чего он ждет. Последнее время Эдди становился все более пасмурным и молчаливым и у Анны сжималось сердце, глядя на него, иногда она говорила себе, что Эдди наверное недостаточно любит ее, но стоило ей посмотреть на него, увидеть его взгляд, нежную теплую улыбку, как эта мысль исчезала у нее, но сердце все больше сжималось и часто возвращаясь вечером домой из театра, куда она иногда ездила с Эдди, она часами, лежа в постели, думала о будущем. Днем она работала не покладая рук в особенности с наслаждением ухаживала за детьми. Когда принесли маленькую белокурую Ван-

ду, увидев весь ужас матери и молчаливое горе отца, она всячески старалась утешить их. Днем и ночью она ухаживала за девочкой, не доверяя сестре. Почти за все время болезни Ванды, Анна оставалась ночевать в госпитале, где ей была отведена спальня и она часто ночью просыпалась, чтобы посмотреть за девочкой. Последнее время она не выезжала и когда Эдди приезжал за ней, она отказывалась покидать госпиталь и только когда девочка была, наконец, спасена она с сияющими глазами встретила своего друга: "Какое счастье, Эдди, маленькая Ванда спасена и будет жить, я так рада, что Бог мне дал возможность лечить и спасать людей, в особенности детей. Поедем к родителям, — просила она, — я хочу им сама сообщить эту новость" и радостная, какой ее ни разу еще не видал Эдди со смерти матери, она бегом направилась к автомобилю. Ерез несколько минут они приехали на узкую улицу, где жили Опальские. Толпа детей, катавшихся на роликах, окружила их. Дети с любопытством разглядывали красивый автосомобиль и пассажиров, непривычную картину в этом бедном квартале. Был весенний вечер, на дворе было светло, почти все жители выссыпали на улицу и на балконы домов. Анна выскочила из автомобиля и побежала по лестнице. Еще с улицы она кричала мадам Опальской: "Ваша девочка спасена".

Елена Опальская увидела из окна Анну, побежала ей навстречу: "она спасена, ваша девочка, спасена", — кричала Анна. Обе женщины встретились на лестнице смеясь и плача.

"Не зайдете-ли вы к нам", — сказала Елена, целуя руки спасительнице. Эдди, немного задержавшийся, стоял рядом. "Конечно, да, — сказала Анна, — пойдем сообщить радостную весть вашему мужу". Продолжая плакать Елена побежала вперед, чтобы показать доро-

ту. Комната, куда они вошли, была чиста и опрятна. Стефан сидел за столом и курил трубку, мальчики за другим столом оканчивали скучный ужин. По их бледным личикам было видно, что у них недостаток. Анна подбежала к Стефану и пожимая ему руку, сказала: "Ванда спасена и будет крепкой и красивой девочкой". У Стефана задрожали руки и глаза наполнились слезами: "Вы наша спасительница, — сказал он, — чем бедные люди, как мы, можем отблагодарить вас?"

"Да ничем, разве только вашей дружбой".

Елена взволнованно пододвинула гостям стулья.

"Чем могу я угостить вас, дорогие гости", — сказала она, — разве только чаем, у нас в доме ничего нет".

"Да вы не беспокойтесь, — сказала Анна, — мы едем обедать с господином Хольт (Эдди встал и поклонился), но я непременно хотела поскорее известить вас, что через две недели ваша дочь будет с вами, а пока я ее держу у себя, — весело добавила она, — Я хочу ее откормить и вернуть ее вам не только здоровой, но и толстой девочкой".

Мальчики, тихо сидевшие в углу, почему-то громко рассмеялись, у Эдди от этого смеха глаза наполнились слезами, он подошел к Стефану:

"Вы без работы?" — спросил он.

Стефан грустно посмотрел на него. "Да, — сказал он, — наступили тяжелые времена, нет возможности найти работу".

"Выйдите со мной в другую комнату на минутку, — сказал Эдди, — оставим дам одних, — с улыбкой добавил он, — я хочу поговорить с вами, как мужчина с мужчиной".

Стефан повел его рядом в спальню. Анна весело

продолжала разговаривать с мальчиками и Еленой, делая вид, что она не заметила отсутствия Эдди.

Спальная, как и гостиная блистала чистотой, в углу перед иконой теплилась, по старому европейскому обычаю, лампадка. Мебель была более чем скромная и всюду починенная, но чувствовалось в этой комнате желание жить и бороться. Эдди сел в кресло и предложил Стефану сесть, потом нервным жестом он достал из кармана бумажник и вынув пять тысяч долларов, сказал:

“Я хочу вам предложить денег, чтобы вы могли начать какое-нибудь свое собственное дело, мне мисс Зилен сказала, что вы служили в ресторане. Может быть вы сможете открыть ресторан, работы на фабриках почти нет, хотя говорят, что наверное скоро будет, но пока я вам взаймы даю эти деньги, — вы мне их вернете понемножку, как только вы начнете зарабатывать”.

Стефан, как ошеломленный, смотрел на него:

“Но я не могу у вас их принять, — сказал он, — ведь вы меня совсем не знаете”...

“Вы предпочитаете, чтобы ваши дети умерли от истощения? Не будьте ребенком, воспользуйтесь случаем, — Америка страна, где все пользуются случаем. Я не дарю вам эти деньги, а их даю вам взаймы, — продолжал он. Стефан нерешительным жестом, дрожащими руками взял пакет денег и глазами, полными слез, посмотрел на них:

“Я никогда не смогу ничем отблагодарить вас, я не заслуживаю”. Эдди крепко пожал ему руку: “Слушайте мистер Опальский, спрячьте деньги и не говорите об этом с дамами, вернемся к ним. Это должно остаться между нами”, — и, взяв его фамильярно под ру-

ку, он прошел обратно в гостиную, не давая Стефану премени опомниться.

Через несколько минут Эдди и Анна простились с семьей Опальского. Когда они подъехали на своем роскошном автомобиле к ресторану, у обоих глаза были еще полны слез, но они чувствовали себя счастливыми. Казалось, что этот вечер еще больше сблизил их.

ГЛАВА 17.

Изабелла Холт снова зажила темпом нью-йоркской жизни. Ее дочь, очень красивая девочка подростала и как это ни странно, Изабелла страстно привязалась к ней. Девочку звали Евой в честь бабушки. Изабелла уверяла, что это очень удобно, так как у нее будут те же самые инициалы, что и у отца.

После веселого дня Изабелла часто захаживала к дочери в комнату и с любовью смотрела на маленькое розовое тельце своей дочки. Ева росла, окруженная роскошью, гувернантками, и няньками. Эдди очень редко навещал дочку. Когда он иногда заходил, он торопливо целовал ребенка и смущенно уходил; с женой он виделся редко. Изабелла при встречах была всегда весела и шумлива и делала вид, что все между ними великолепно. Иногда она посыпала ему записку, в которой говорила, что у них обед дома, где его присутствие необходимо, или же, что она приняла приглашение к знакомым, но все это происходило редко. Эдди был ей за это благодарен и даже находил, что у нее много такта.

Изабелла давно возобновила свои сношения с Чарли, она теперь привыкла к своей жизни, которая казалась ей верхом благополучия. Иногда она заводила

разговор со своей матерью о разводе с Эдди, которого она за спиной называла скучным дураком, но мать великолепно понимала, что Чарли не собирается жениться и, что, наконец, он никогда не будет таким широким в денежном отношении, как Эдди. Мадам Гильфорд давно знала через городские сплетни, что у Чарли часто меняются любовницы и задавала себе вопрос, отдает ли себе в этом отчет Изабелла; она советовала дочери ни в каком случае не разводиться, пока Чарли сам в конце концов, не предложит жениться на ней. Изабелла со вниманием слушала советы матери и на всякие попытки мужа говорить о разводе, всегда отвечала, что без скандала она развода не даст.

Через некоторое время Анну назначили директрисой госпиталя, все кругом ценили ее тяжелую работу и любовь к ближнему, но благодаря этому новому посту у нее работы прибавилось вдвое. Все больше и больше она знакомилась с рабочим людом ее окружющим и часто захаживала к ним на дом и становилась их поверенной. Она знала все их невзгоды; все приходили к ней с радостью и с горем. В последнее время фабрики снова заработали, как никогда раньше и почти у всех появилась работа. Газеты были переполнены последними новостями из Европы и говорили, что в Европе готовятся к войне. Газеты говорили, что Германия отказалась от Версальского договора, что сначала она заняла левую сторону Рейна, потом стоявший во главе Германии новый канцлер своими убеждающими речами призывал занять Австрию, а затем германские войска вошли в Вену. Газеты говорили, что в Германии концентрационные лагеры переполнены женщинами и мужчинами всех возрастов и даже детьми.

Только после занятия Чехословакии другие державы всполошились, Англия и Франция поняли, что

войны не миновать. Постепенно все в Европе стали готовиться к войне, пошли заказы на Америку и фабрики заработали.

Семья Опальских открыла ресторан на деньги Эдди недалеко от их дома. В рабочих кварталах энергично загудели свистки и рабочие в блузах бодро и оживленно бежали на работу, пополневшие дети весело катались на роликах и ясный смех их, как в лучшие годы наполнял воздух. Громадные заказы пошли в Америку из Англии и Франции. Америка заработала полным ходом. В Европе возникла война.

Доктор Джон Жансон часто навещал Анну Общая работа еще более укрепила их дружбу. Анна никогда не могла забыть его добре и бескорыстное ухаживание за ее матерью. Джон печально наблюдал за Анной, проходящие годы накладывали на нее свой отпечаток и лицо ее принимало постепенно все более грустное выражение; она сильно похудела и казалась, благодаря этому, как будто выше ростом и стройнее. Джон великолепно понимал причину печали Анны. Он часто задавал себе вопрос, знает ли Анна, что Эдуард Хольт женат? Иногда он встречал Эдуарда случайно на улице или же у каких нибудь университетских знакомых и любно смотрел на него, избегая пожимать ему руку. Он здоровался с ним только тогда, когда они встречались у Анны, что бывало очень редко. Тогда Джон делал над собой усилие и разговаривал с ним. Анна продолжала в свободное время выезжать с Эдди, иногда они обедали вместе или же ездили в театр и оба всячески избегали разговора о личной жизни. Анна казалось, обращалась с ним, как со своим хорошим знакомым, говорила о своих больных рабочих и об Опальских. Эдди рассказывал про университет, про лекции и молодежь, которая все более и более наполняла ау-

диторию на его лекциях, про новые философские темы, про Декарта, которого он особенно уважал, но никогда, ни разу, не упоминал про тот вечер и знаменательный разговор по телефону.

В этом году Анна праздновала свои имянины в более, чем когда-либо грустном настроении. Она пригласила обедать к себе молодую докторшу, помогавшую ей в больнице. Это была веселая жизнерадостная ирландка, которая в противоположность Анне, вечно смеялась. Доктор Джон также был приглашен на этот обед. Как только освободился от своих занятий, он решил приехать раньше других гостей, чтобы иметь возможность посидеть одному с Анной. Посмотрев на часы Джон увидел, что было еще очень рано, чтобы притти, можно было помешать приготовлениям к обеду. Он решил пройтись немножко пешком. День был холодный и сырой, дождь моросил целый день. Постепенно зажигались фонари и освещались окна домов и светящиеся афиши.

С тяжелым сердцем, рискуя несколько раз быть опрокинутым автомобилем, Джон медленно подвигался по улицам, весь поглощенный своими мыслями. Весь мокрый он вошел в переднюю Анны. По дороге он принял решение еще раз попросить ее руки, — он бросится к ее ногам, скажет, что он любит ее, не может жить без нее. Анна пришла в ужас, видя его таким промокшим, и поспешила снять с него пальто чтобы просушить его.

“Какой вы еще ребенок, Джон, — сказала она, — как можно итти пешком по такому дождю!”

Джон смущенно улыбался, глядя на нее...

“Войдите сушиться, — строго добавила она, видя его смущение. Когда они вошли в гостиную, Джон оглянулся, как будто желая запечатлеть каждый угол. В

комнате было уютно и тепло, около большого окна стоял столик с цветами и фотографиями, недалеко два больших удобных кресла, рядом маленький столик красного дерева с приготовленными на нем папиросами и пепельницами. Направо от окна стоял рояль, покрытый куском старинного красного бархата, на котором стояла большая ваза цветов и статуя Будды, много фотографий и над ним в позолоченной раме на стене висел большой портрет Эдди. Джон отвел глаза и вдруг решился:

“Анна, — сказал он, — я люблю вас, мы оба работаем в одинаковых условиях, выходите за меня замуж!..”

У Анны наполнились глаза слезами и она сказала:

“Как вам не стыдно, Джон, в такой для меня день, говорить такие вещи. Вы ведь знаете, что я люблю Эдди”, — тихо добавила она, опустив глаза.

Джон задрожал и вдруг решил, что он сыграет свою последнюю карту. Конечно, это некрасиво с его стороны, но он это скажет. Он вспомнил английскую пословицу, часто повторяемую в Америке что “все разрешается в любви и в войне”.

“Анна, но если Эдди до сих пор не развелся, — он никогда не разведется, он наверное слишком любит свою дочь”, — прибавил он и сразу же пожалел. У Анны лицо сразу же сделалось страшно бледным и сдавленным от волнения голосом, она сказала:

“Что вы сказали, Джон, — у Эдди ребенок, он женат?..”

Джону стало страшно:

“Анна, дорогая моя, — сказал он, — неужели вы не знали? Неужели он не сказал вам об этом за столько лет?”

Анна ничего не ответила, у нее как-то странно ослабло все тело и она не могла двинуться; волна отчаяния захлестнула ее, она присела в кресло и долго просидела не двигаясь. Затрещал звонок телефона и двери, но Анна не двинулась с места, делая жесты Джону — оставаться на месте и телефон, и звонок у двери звонил много раз и каждые четверть часа, но они оба продолжали сидеть молча. Было поздно, наверное далеко за полночь, когда Анна слегка приподнялась и как раненая птица, прошептала:

“Идите, Джон, я вам напишу”.

Когда он ушел, Анна опять села в кресло. Так она просидела всю ночь, не двигаясь. Утром с трудом она поднялась, сложила кое-какие вещи в чемодан и, сказав женщине, убирающей ее квартиру, что она уезжает на несколько дней и что, если телефон будет звонить, не нужно отвечать, она с чемоданом вышла из дома. Телефон в этот день долго одиноко звонил в покинутой пустой квартире и звонил еще много дней спустя.

Только через два месяца Джон получил первые сведения от Анны. Она извещала, что находится в нескольких верстах от Сан-Франциско у своих друзей и что она чувствует себя хорошо. Квартиру она поручила своей приятельнице, докторше и просила никому ее адреса не давать. Она писала, что она пока не вернется, но что она напишет. Но месяца проходили и Джон известиий не получал, только случайно через год он узнал, что Анна просила о переводе в другой госпиталь и что она получила место директриссы в одном из больших госпиталей в Сан-Франциско.

Отчаянию Эдди не было границ, когда не дозвонившись, сначала у дверей, потом по телефону, он, как сумасшедший, мчался взад и вперед по городу. Только в три часа ночи он, наконец, дозвонился к Джону и уз-

нал, что с Анной ничего не случилось, что она дома. Джон сжался над ним и сказал ему:

“Эдди, я виноват во всем, я не знал, что вы скрывали от Анны, что вы женаты и имеете ребенка. Да почему вы скрывали?”

Эдди ничего не ответил. Как мог он объяснить этому человеку? Не простившись он вернулся к себе и пробовал каждые десять минут звонить по телефону к Анне, но ответа не было. Он пытался дозвониться через телефонную барышню, умоляя ее проверить линию, но ответа не получил, — ему отвечали, что линия действует, но что никого нет. Около 6 часов утра, он устало заснул, но не на долгое время. Проснувшись рано утром он опять поехал к Анне, но было поздно, ему открыла уборщица, которая сказала, что Анна уехала на три дня; в госпитале, куда он поехал, он ее также не нашел, он вернулся назад на квартиру, но Анны не было. В госпитале мисс Аллен, приятельница Анны, сказала ему, что Анна поручила ей квартиру, но что адреса ее она не знает. Анна должна была ей написать.

Усталый и измученный физически и нравственно Эдди возвратился к себе домой. Целыми часами пролеживал он у камина и плакал, как ребенок, потом он решил написать ей, описать свою жизнь и написал ей длинное, страстное и умоляющее письмо, — одно на квартиру, другое в госпиталь и просил направить все по новому адресу. Только через четыре месяца он получил короткий ответ:

“Забудьте меня. Я люблю вас, я прощаю, но мы никогда не должны больше встречаться”.

После занятия Чехословакии несколько месяцев в Европе было тихо. Английский и французский премьеры приехали в Мюнхен и пришли к соглашению и не-

которое время в Европе думали, что войне не бывать, но это было только лишь затаище перед бурей, и было плохо знать нового германского канцлера. Пламенными и все более длинными речами Гитлер призывал народ к войне и занятию всех тех стран, которые раньше принадлежали Германии. Те, кто выступал в стране, против его партии и войны, были заключены в концентрационные лагеры.

После Чехословакии немцы забрали Польшу, Францию, потом напали на Россию, первое время неподготовленная Россия теряла, но горячая любовь к родине подняла Россию. Вся страна стала за станки — женщины, старики, дети, чтобы дать оружие войску. После поражения при Сталинграде, немцы стали оповещать мир об их, как они называли, "защитительных победах". Скоро Америка вступила в войну.

Через некоторое время Эдди узнал адрес Анны от Джона. Несмотря на ненависть и презрение к нему, Джон все-таки не мог ему отказать дать адрес. Получив адрес, Эдди продолжал писать Анне длинные письма, но больше ответа не получал.

Как только Америка вошла в войну против Японии, он первый пошел записаться и проходить нужную подготовку. Казалось, что ничто в жизни больше не интересовало его и он мечтал поехать на фронт, что бы избавиться от скучной и ненужной ему жизни. Он постарел, похудел и часами почти не разговаривал ни с кем и даже мать свою почти не навещал. Только к отцу он захаживал еще, с отцом у него сохранились самые дружеские отношения. Казалось, он один понимал его, он ни о чем не спрашивал его и только изредка пожимал ему руку. Свою дочь — Эву, как и жену, он почти никогда не видел и всячески избегал. Иногда он захаживал к Опальским, там он мог свободно гово-

рить об Анне. Опальские процветали и давно выплатили Эдди долг. Радость и счастье царили в этом доме. Лена Опальская великолепно понимала, что Эдди приезжает к ней, чтобы узнать что-нибудь об Анне, но скоро и туда ему стало невозможно ходит, его принимали рассеянно. Мадам Опальская горевала — ее муж и сыновья были мобилизованы, молодые прошли в парашютисты, отец в артиллерию, и ждали только парохода для отправки на Дальний Восток. Были также мобилизованы Косинковские и вообще все друзья Опальских. Мужчины уехали ночью и было тоскливо, даже нельзя было их провожать на пароход — пароходы уезжали тайно, чтобы не было возможности врагам проследить их. Лена осталась одна с девочкой. Пароходы нагружались также на отъезд в Европу. Гитлер объявил войну Соединенным Штатам.

Изабелла, несмотря на войну, нисколько не изменила своего образа жизни. Когда мужчины были мобилизованы, она, как и другие дамы, ездила в Красный Крест и шила для раненых, но это не мешало ей выезжать и веселиться. Чарли, как и большинство молодых людей, был мобилизован и проходил подготовительные курсы. Много кораблей уехало в Европу с офицерами только что вышедшими из школы. Другие готовились к поездке. Изабелла видалась с Чарли все чаще и чаще. Чарли обожал маленькую Эву, казалось это было единственное существо, которое он действительно любил, он просиживал часами в детской и любовался девочкой. Эва становилась все более похожей на него и часто Изабелла говорила ему:

“Не боишься ли ты, Чарли, что слишком видно сходство ребенка с тобой?”

Но, если сходство и было заметно, никто, казалось, об этом не говорил громко. Когда Эдди получил,

наконец, долгожданное приказание сесть на корабль, который должен был увезти его в Европу, он первым долгом написал Анне. Он продолжал ей писать каждую неделю, не ожидая больше никогда ответа и даже не надеясь на него, но казалось, у него всегда была потребность все ей сказать, все сообщить — все детали своей жизни, таким образом, у него сохранялось чувство связи с ней. Он решил пойти к Изабелле сообщить ей, что он едет в Европу, за день до назначенного дня. Ему всегда была противна мысль притти к ней и поговорить с ней. Но когда, наконец, настал последний день, нужно было решиться. Медленно и задумчиво пошел он в детскую, чтобы поцеловать свою дочь. Был пасмурный нью-йоркский зимний день, смеркалось... Эва наверное должна была быть дома, подумал он, дети на улице так поздно не играют. Он решил войти, не спросив лакея дома-ли девочка. Когда он подошел к двери, он вдруг услышал голоса и смех. Ему захотелось повернуть назад. Он не желал никого встречать, быть может там заседает его теща, он успеет еще увидать ее.. но вдруг он застыл, как прикованный на месте...

“Ты знаешь, Чарли... — услышал он голос своей жены, — несмотря на то, что Эва все больше и больше становится похожей на тебя, глаза ее скорее мои!..”

Потом он услышал легкий смех. У Эдди захватило дыхание, он как-то не сразу понял и на минуту застыл. Потом он встряхнул головой: “да, какой он дурак, что он этого раньше не подозревал и он разбил свою жизнь сам, свою глупостью”. Дрожащими руками, не постучав, он тяжело и широко раскрыл двери. Его жена сидела на коленях у Чарли вместе с ребенком.

“Я все слышал, — сказал Эдди, не давая никому опомниться. — Я уезжаю завтра в Европу, но советую

вам сейчас же потребовать развод, иначе я сам его потребую и не глядя на застывшую пару, он повернулся и быстрыми шагами ушел к себе и закрылся на ключ.

Постепенно его охватило радостное чувство, он сам достал чемодан и стал складывать вещи, ему вдруг захотелось свистеть, как будто он освободился от чего-то тяжелого. Он выпрямился и посмотрел на себя в зеркало, он увидел свое, хотя утомленное, но молодое лицо. “Да, жизнь еще возможна, но сколько печальных лет прошло. Он постарается теперь наверстать с Анной. Он ни минуты не сомневался, что Анна любит его по прежнему, что она не забыла его. Он решил сразу, сейчас же написать ей, но потом подумал, он сначала пошлет ей телеграмму, он продолжал писать ей в Сан-Франциско в госпиталь. Она наверное мобилизована, но письма не возвращаются — значит она там. Он вдруг вспомнил, что можно протелефонировать ей, может быть она подойдет сама, во всяком случае он попробует. Он, конечно, ей звонил и раньше, но она никогда не подходила, ему всегда отвечали: “пожалуйста оставьте поручение”. Но может быть сегодня посчастливится, сегодня такой необычайно радостный день для него! Он взял трубку и через несколько минут ему ответили из госпиталя:

“Доктор Зилен, (да, да), но она давно в Европе с Красным Крестом”.

Ему захотелось плакать и уставшим голосом он спросил:

“А телеграмму куда послать?”

“Я вам сейчас дам ее военный номер. А кто спрашивает?” — был вопрос.

“Говорит лейтенант Хольт”.

Через десять минут Эдди сам был на почте, что почти никогда не случалось с ним и написал, по

понятиям телеграфной барышни, лишенную всякого стыда телеграмму.

“Дорогая моя, — писал он, — Эва не моя дочь, Изабелла созналась. Развод наверное будет через месяц, прошу вашей руки. Еду сейчас в Европу. Когда кончится война, где бы вы ни были, я приеду за вами. Люблю на всю жизнь, пишу вам длинное письмо, умоляю телеграфировать”.

Телеграфистка, не сморгнув, приняла телеграмму, потом она долго и страстно обсуждала с другой барышней ее содержание. Они, конечно, знали Эдуарда Хольта и красавицу Изабеллу. Да кто их не знал? Значит, будет развод. Как странно, что он так откровенно и бесстыдно телеграфировал, да и потом, покачав головой, они решили: “да, но ведь теперь война!..”

ГЛАВА 18.

Покинув Нью-Йорк Анна поехала как бы бесцельно вперед, даже сначала не зная, куда она едет и только у станционной кассы, куда ее прибило человеческим потоком, она вспомнила Сан-Франциско и ее поездку в Америку и детство. “Да, она поедет туда, это далеко, она пробудет долго в поезде и отдохнет и обдумает”...

Как автомат она села в поезд, ходила в ресторан, как будто в недоумении приехала в Сан-Франциско. Там она вспомнила маленькую гостиницу, куда она с матерью приехала из Японии. С трудом вспоминая ее название и улицу, она добралась туда, но она почти никого не узнала и хозяин и директор были не те, но ей удалось получить очень хорошую комнату и два дня она пробыла там не выходя. На нее находили бесконечные порывы отчаяния и она горько плакала. Но казалось, слезы не облегчали ее. На третий день в грустном настроении, она вышла искать своих друзей Ливингстонов. Ливингстоны очень постарели, молодые разъехались и гнездо опустело, но они были в восторге принять Анну, которую они с трудом узнали.

Через неделю Анна решила приняться за работу. В одном из госпиталей она получила место врача. Ра-

бота немногого отвлекла ее, она работала днем и ночью, но никто никогда больше не видел улыбки на ее печальном лице. Только, что бывало очень редко, когда она ухаживала за детьми, лицо ее как будто расцветало. Она зажила уединенной жизнью, почти ни с кем не сходилась и только очень изредка навещала стариков Ливингстонов. Каждую неделю она получала длинные письма от Эдди и каждый раз, прочитывая, она клала их в общую массу с другими. Иногда она писала Джону. После объявления войны она с Красным Крестом выехала в Европу.

Когда Эдди вернулся домой с почты, он написал Анне очень длинное письмо в восемь страниц, он описал свое детство, свою молодость и женитьбу и первую свою любовь к Анне. "Не знаю, понимаете ли вы меня, дорогая, бесценная, я никого никогда не любил, так, как вас — ни отца, ни мать, я только с вами узнал, что значит любовь. Мы заживем, — восторженно писал он, — и у нас будет ребенок — ваш и мой, действительно мой"...

Он поздно закончил свое письмо, несколько раз вычеркивал и перечеркивал и переписывал без конца, потом он написал своему отцу, говоря, что он разводится. Он не хотел пока ничего говорить матери, но он знал, что отец его поймет. Он заснул поздно, забыв закрыть ставни и звезды равнодушно мерцали на темном небе и, зная будущее, заглядывали, кык бы с жалостью в комнату, где тяжелым сном спал обреченный на смерть. Потом они временно скрылись под облака-

ми, чтобы снова показаться и нескромно заглянуть в другое какое-нибудь открытое окно.

На другой день со скучным военным багажом Эдди был на палубе. Его провожали отец и мать. Изабеллы не было и когда мать спросила в чем дело, Эдди ответил, что Изабелла больна.

Корабль, на котором плыл Эдди, был переполнен. Офицеры и солдаты в спасательных поясах сновали взад и вперед. Играли музыка. Молодой капитан парохода весело разговаривал и прощался с женой, потом быстро загудел свисток и все провожающие сошли.

Эдди со счастливым видом, и весь в думах об Европе, смотрел вниз. Вдруг пробежал телеграфист-мальчик, у Эдди забилось сердце.

“Лейтенант Хольт”, — закричал мальчик.

Эдди взял телеграмму, как будто зная, что телеграмма будет для него. Долго он не решался вскрыть ее. “Нет, он ее откроет, когда будет один в каюте, без всяких свидетелей”. Он спрятал телеграмму в карман. Пароход стал отчаливать. Мать Эдди заплакала и замахала платком. Музыка все сильнее гремела. Скоро пароход надбавил скорости и, через несколько мгновений, все лица исчезли, как в тумане. Эдди постоял еще несколько минут на палубе. Молодой капитан закурил с ним папиросу. “Будет хорошая поездка, — сказал он, — только бы миновать эти дьявольские ‘подводные лодки’.

Эдди продолжал счастливо улыбаться, нащупывая телеграмму в кармане, потом медленными шагами, как

будто желая еще долго предвкушать свое счастье, он пошел в каюту. С ним ехало еще три офицера, но никого в каюте не было, все прощались со статуей Свободы и небоскребами Нью-Йорка.

Дрожащими руками Эдди распечатал телеграмму.

“Люблю, целую, жду. Ваша навеки Анна”, — читал он.

“Люблю, целую, жду”, — несколько раз громким голосом сказал Эдди и рассмеялся, как мальчик. Потом он поцеловал телеграмму и тщательно сложил ее и захотел спрятать в медальон, который он носил на шее с фотографией Анны, но телеграмма была толстая, и ему трудно было закрыть медальон. Тогда он тщательно оторвал маленькую белую полосочку напечатанных слов от телефонного листа бумаги, и, свернув, положил в медальон, медальон хорошо закрылся. Эдди довольно улыбнулся и поцеловал его.

На третий день путешествия, пароход наскочил на мину, никто не успел выйти из каюты. С быстротой молнии пароход пошел ко дну. Эдди очутился в воде и хотел спастись, жизнь была так прекрасна, его ждала Анна, но из-под парохода нельзя было выплыть. Он был тяжело ранен, ему хотелось бороться, кричать, протестовать... Его ждет любовь, он еще не жил, он не может умереть, нет, нет... “Люблю, целую, жду”... шептали его убы и грязная зеленая, холодная волна проглотила его.

Анна получила письмо Эдди в госпитале, где она работала, недалеко от Лондона. Казалось, что молодость сразу вернулась к ней, она похорошела. Все кру-

гом заметили, что докторша Зилен очень красивая и еще очень молодая и удивлялись, что раньше они этого не замечали. Другие докторши не могли удержаться, чтобы не сказать ей об этом. Анна жила, как в мечтах, она ждала еще телеграмм от Эдди, но пока их не получала. Прошло некоторое время, Анна написала Эдди, но получила свое письмо обратно. Месяц спустя Адмиралтейство дало знать, что такой-то пароход был потоплен.

Изабелла получила официальное известие о смерти своего мужа. Теперь ничто не стояло на пути к ее счастью, она с дочерью унаследуют большое состояние, выйдет затем замуж за Чарли. Не желая верить, Анна написала в Адмиралтейство и получила ответ, что лейтенант Холт погиб на таком-то пароходе.

1944-ый год — высадка в Европу — был чудом XX века. Американцы привезли с собой порты, сделанные в Америке и высадили войска. Германия давно теряла на всех фронтах.

Анна приехала с Красным Крестом сначала во Францию, а затем в Германию. Работы было много, нужно было стараться спасти в лагерях всех тех, кого немцы не успели уничтожить, искалеченных людей, женщин, детей, молодых и стариков. Анна работала, не покладая рук. В лагерях почти всюду царил тиф и дизентерия. Среди больных преобладали русские, им она была нужнее, чем другим: о них почти никто не заботился, и никто не говорил с ними, а сами они не говорили на иностранных языках. Многие из них, узнав, что американская сестра говорит по-русски, бросились к ней, все хотели поговорить с ней и каждый имел ка-

кую-нибудь страшную историю рассказать ей. Немцы в своей глупой жестокости разлучали женщин и детей, отцов и матерей, жен и мужей, разрушали избы и села, деревни и города! Казалось они заразили этих русских злобой и желанием отомстить.

Анна продолжала работать не покладая рук. После смерти Эдди у нее была только одна мысль — скорее умереть. Она мечтала заразиться опасной болезнью, быстро слечь и больше не вставать, но она была — солдат, офицер, мобилизованный! Нужно было окончить войну, она не имеет права уйти с поста и думать о себе, о своем горе, когда столько горя кругом! Иногда, к ней приходили русские девушки из выздоравливающих, называли ее сестричкой, рассказывали про свои деревни и города, про разрушения, ужасы, смерть, голод и отчаяние. Она им была нужна.

“Что-же вы, сестричка, — говорили они, -- сделались американкой? Ведь вы же русская! Поедемте с нами в Россию. Такие, как вы, сестричка, нужны там. Сейчас России нужны все молодые силы, чтобы снова восстановить ее”, — говорила одна, более образованная, чем другие, попавшая в плен, потом в лагерь. Анна часто обдумывала все эти речи.

“Да, Америке она будет лишняя... У нее пробудилось страстное желание увидеть страну своих родителей. В Нью-Йорке у нее никого нет, Эдди больше нет — кому она нужна? Зато там, в России, она нужнее, там есть большая работа, она может принести там пользу, она может спасать детей. При мысли о детях у нее навернулись слезы.

“Ведь она же докторша, она не имеет права покинуть пост, она нужна там, где есть страдание, она не имеет права уйти из жизни. Она вспомнила Джона,

который говорил: “Лечить людей — это святая обязанность, это от Бога”. А там в России она нужнее, чем где бы то ни было. Она часто подолгу сидела по ночам, обдумывая: “Да, в Америку она больше не вернется. Она поедет только в свою родную страну. В Россию”.

Ольга Голицына.

Париж, 1946-й год.

КОНЕЦ.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris (13)

